

Ласковый ветер Босфора

Автор:

Ольга Покровская

Ласковый ветер Босфора

Ольга Владимировна Покровская

Жизнь Катерины, талантливого режиссера, оказалась разрушена, когда ее муж сообщил, что ему необходимо исчезнуть. Попав в розыск, он подставил под удар и свою жену. В одно мгновение Катя потеряла всё: работу, связи и уважение коллег. Блистательное настоящее обернулось для женщины забвением и одиночеством. Погрузившись в пучину депрессии, Катя даже не надеялась вновь вернуться к любимой работе и уж тем более наладить личную жизнь. Но однажды ей выпал удивительный шанс... Шанс, который снова обещал круто изменить ее судьбу.

Ольга Покровская

Ласковый ветер Босфора

© Карпович О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Черный, поблескивающий под фонарями гладкими боками автомобиль свернул с широкой трассы в узенький проулок, и на женщину, сидевшую в нем, сразу обрушилась чернота. Дорога запетляла по пригородным поселкам, перелескам и пустырям. Исчезли фонари, витрины, разноцветные билборды, растворилась суета и круговерть мегаполиса, осталась лишь крошечная, чернильная, дышащая теплом, морем и звездами южная ночь. Автомобиль мчался по узкому перешейку суши, справа и слева от него матово переливалось ночное море, мелькали по обочинам высокие ветвистые лиственницы, пенились розовыми цветами магнолии. И женщине на мгновение стало тревожно – в этой чужой незнакомой ночи, в черном автомобиле, мчавшем ее навстречу неведомому. Показалось, что вместе с последними кварталами города исчез в темноте и весь человеческий мир со всеми его страстями, стремлениями, идеями, законами и нелепостями, и осталась лишь бесконечная звездная пропасть. Это пугало и в то же время отчего-то казалось до странности привлекательным, манящим – забыть обо всем, отрешиться, оторваться от земли, взмыть ввысь и только мчаться неведомо куда сквозь ночь, мчаться и мчаться до скончания времен.

Однако же вскоре автомобиль забрал выше, и из темноты выплыли частные дома и виллы, все дороже и дороже, все роскошнее и роскошнее. Далеко внизу мерцали огнями прибрежные бухты. А затем дорога свернула за уступ скалы, и из темноты выплыли ярко освещенные, маслянисто-желтые в ночи полукруглые окна притаившегося в укромном горном уголке дома. За окнами уже можно было разглядеть движущиеся, будто в танце, темные силуэты. И женщине показалось даже, будто до нее доносятся легкие, искрящиеся звуки венского вальса. Конечно же, этого быть не могло, ведь окна машины были наглухо закрыты, должно быть, это ее воображение, искушенное в домысливании, додумывании и создании волшебных сказок буквально из ничего, достраивало до идеала атмосферу ожидавшего ее загадочного праздника.

Автомобиль подкатил к воротам, и женщина нашарила на обтянутых жесткой серебристой парчой коленях черную бархатную маску. Вскинула руки, чтобы закрепить завязки на затылке, тронула кончиками пальцев покрывавший голову и длинными шелковыми концами спускавшийся на шею платок, рассеянно слушая, как водитель объясняется с вышедшим навстречу машине из будки охранником. Ее предупредили, что вечеринка будет закрытая, только для своих, дабы ни один любопытный зевака, ни один жаждущий сделать себе имя на горячих сплетнях репортер не просочился на тайное мероприятие. Закончив с маской, женщина потянулась к лежавшей рядом на сиденье сумочке – усыпанному розоватыми кристаллами крохотному мешочку на цепочке с отделанной мерцавшими в темноте камнями защелкой, извлекла из него

кремовый с золотом конверт с приглашением и, вполголоса окликнув водителя, протянула конверт ему. Тот, кивнув, передал приглашение охраннику. Бравый детина в форменной одежде придирчиво изучил его, затем снова сверил с каким-то списком номера машины, буркнул что-то в рацию и широко улыбнулся дорогим гостям хозяина дома, не забыв, впрочем, оглядеть салон и заглянуть в багажник. Затем, отвесив гостеприимный полупоклон сидевшей в машине женщине, охранник направился обратно в будку, чтобы открыть ворота. Витые створки с тихим скрипом распахнулись, и машина въехала на располагавшуюся за будкой охраны парковку.

Очевидно, дальше нужно было идти пешком. Водитель, выйдя из машины, распахнул перед женщиной дверцу, и она выпорхнула прямо в жаркую, пахнущую пряностями и солью южную ночь. Вот теперь действительно можно было расслышать отголоски звучащей в доме музыки. Серебристые скрипичные пассажи как будто взмывали прямо к звездам, а вторившие им духовые трели, казалось, задались целью заменить молчащих этой ночью соловьев. Музыка омывала, словно искрящаяся на солнце морская пена, вскрикивала тревожно и тут же принималась ласково нашептывать что-то, маня и обещая.

Одернув узкое, ловко охватывавшее тело серебристое платье, отделанное черным кружевом на корсаже, женщина двинулась по мощеной дорожке к дому. Там и тут выплывали из темноты развешенные на раскидистых ветвях деревьев разноцветные бумажные фонарики – бордовые, золотые, изумрудные. Подмигивали голубоватые огоньки обвивавших узловатые стволы гирлянд. Слева, из притаившейся в зарослях белой беседки, донесся тихий смех. Справа выглянул из-за тяжелой ветки бледный силуэт мраморного херувима. И женщина, зная, что подобные статуи для этих мест не характерны, подумала про себя, что хозяин дома явно тяготеет к европейской эстетике. Маленький волшебный парк, садик Коломбины, полный укромных уголков и веселых тайн.

И вот, наконец, залитое разноцветными огнями крыльцо. Безмолвный лакей в носатой венецианской маске и треуголке, распахивающий перед ней тяжелые деревянные двери, – и яркий свет, и музыка, и вихрь изысканных женских платьев, темных мужских костюмов, запах шампанского, цветов и натертого до блеска паркета.

К ней тут же поспешил хозяин дома – уже знакомый ей, импозантный смуглый мужчина с благородной сединой на висках.

– Вот и вы, наконец, – провозгласил он, подхватывая женщину под руку.

И поначалу она даже не разобрала, на каком языке он к ней обращался, так велика была сила вскружившей ей голову атмосферы нереального сказочного карнавала, на который она попала. Английский... Кажется, да, он заговорил с ней по-английски, с этим своим своеобразным южным акцентом, при котором последнее слово во фразе практически выпевалось. Но почему-то казалось, что в этом море звуков, красок и запахов языки не нужны и вовсе, все понимается на каком-то ином, чувственном уровне.

– Пойдемте же, – продолжил хозяин дома, увлекая ее в огромную сводчатую залу, где стены были украшены смеющимися, плачущими, нахмуренными масками, а под потолком, освещая лепнину, сверкали тысячи золотых огней, двоившихся и троившихся в развешенных повсюду зеркалах. В глубине, в нише, отделенной от зала невысокой загородкой, играл оркестр, перламутровые блики мелькали на изгибах духовых инструментов, путались в струнах арфы. В центре зала вальсировали пары, развевались алые, розовые, синие, золотистые, черные, сиреневые подолы платьев, щелкали по полу каблуки, сияли улыбки, стреляли из-под масок лукавые взгляды. В стороне, у дивана, тоненькая и изящная, как статуэтка эбенового дерева, юная красавица с восточным разрезом черных глаз, в скрывавшей лицо белой с золотом маске, улыбаясь, слушала пытавшегося что-то ей втолковать и при этом отчаянно жестикулировавшего белобрысого парня в белой рубашке и темных брюках. Тот, явно чувствуя себя не в своей тарелке, то и дело оглядывался по сторонам и пытался пятерней пригладить торчавшие во все стороны пшеничные вихры.левой рукой он стискивал уже изрядно помятую темно-синюю маску. Красавица терпеливо слушала сбивчивый монолог юноши, не забывая, впрочем, временами оглядываться на сидящего на диване грузного носатого типа.

Вскоре к ним подошел мужчина средних лет, заговорил по-английски с заметным британским акцентом. Чинно склонив голову и тряхнув спускавшимися на воротник полудлинными темно-русыми волосами, он пригласил красавицу на танец, и та с явным облегчением шагнула к нему, оставив лохматого юношу осваиваться на вечеринке в одиночестве. Тот вскоре углядел в толпе официанта в костюме арлекина, воровато оглядевшись по сторонам, метнулся к нему, ухватил с подноса пару бокалов и ретировался с ними в самый темный и дальний угол.

В смежной маленькой гостиной, открывавшейся за одной из арок, у карточного стола собрались трое без масок. Эти гости женщине тоже были хорошо известны. Один, похожий на пожилого моржа, с вислыми усами «под Горького» и оплывшими брылями, возмущенно бубнил что-то поставленным голосом по-русски, рассматривая залу и танцующих. А двое других – розовощекий здоровяк с круглым пузцом и длинный и тощий, как жердь, язвительный тип с утиным носиком, кивали и поддакивали.

Хозяин дома, успев провести женщину в туре вальса, раскланялся с ней и шепнул на ухо:

– Вынужден покинуть вас и уделить внимание другим гостям. Развлекайтесь, моя дорогая.

Но не успела она ступить и двух шагов, как ее, ухватив под локоток, тут же потянул к карточному столу Морж.

– Это вы? – ахнул, завидев ее, длинный. – Да вас прямо не узнать.

– Это уж точно! – гаркнул здоровяк и неловко прыснул в мощный кулак.

– Ну как вам? – тем временем поинтересовался Морж. – Впечатляет, а? Кучеряво живет высокопоставленная педерастия, ничего не скажешь.

– Завидуешь, Петр Венедиктович? – вставил длинный. – Да, это тебе не в псковской гостинице на гастролях доширак хлебать. А что, может, тоже в эти самые, в голубые податься, а? Благосостояние поправить, так сказать.

– Да ты на себя посмотри, Василий! – веселясь, отозвался здоровяк. – Они тебя к себе не возьмут, ты им рожей не вышел.

– Я бы вас попросила выражаться деликатнее, – холодно вставила женщина. – Хозяин дома неплохо говорит по-русски. Успех проекта напрямую зависит от него, и конфликты в самом начале нам не нужны.

– Разумеется, – взревел Морж. – Да что мы, не понимаем?

– Да бросьте вы, – поддержал здоровяк. – Мы же шутим, ничего такого...

– В самом деле, не переживайте... – принялся увещевать ее длинный.

Но в этот момент хозяин дома, сделав знак музыкантам замолчать, вывел в центр зала одного из гостей, и женщина шикнула на своих собеседников, чтобы не мешали слушать, что еще такое задумал организатор этого бала.

Хозяин к этому времени успел облачиться в черную развевающуюся мантию до пола и прикрыть лицо черно-белой узорчатой маской, от чего вид приобрел совсем уж мефистофелевский. Человек же, которого он, ухватив под руку, тащил на середину комнаты, был одет в белый ладно охватывающий его тонкую гибкую фигуру костюм. Лицо его тоже скрывала маска, но, даже несмотря на эту помеху, видно было, что черты его были пронизаны той совершенной благородной красотой, которая так редко встречается в природе. И женщина невольно залюбовалась подчеркнутыми серебристым сафьяном четкими линиями скул, прямого носа, твердого, но не массивного подбородка, да и всем обликом до сих пор не замеченного ею гостя.

То ли на контрасте с образом хозяина, то ли благодаря собственному облику, мужчина этот казался сейчас тонким, ярким, преломляющимся в зеркалах и рассеивающимся в затемненных углах солнечным лучом. Хозяин что-то многословно внушал ему на этом своем цветистом певучем языке, тот же передергивал изящными плечами, размашисто жестикулировал, взметая в пропитанный электричеством воздух залы артистические руки с тонкими запястьями и длинными пальцами, откидывал голову и смеялся, сверкая белыми зубами и блестя удивительными светло-прозрачными глазами. Весь мерцающий, ускользающий, неуловимый и переменчивый, как дрожащий на струях прозрачного горного ручья солнечный блик.

Хозяин, несмотря на веселое сопротивление гостя, все же вывел его на середину залы и объявил низким густым голосом, перейдя на английский:

– Друзья мои! Как я рад, что все вы смогли сегодня прийти на мой скромный праздник, на маленький карнавал, который мне захотелось устроить в честь старта нашего с вами проекта, нашей работы, которая – очень на это надеюсь – позволит нам пожать достойные плоды...

– Скромный праздник, – едко зашипел за спиной у героини длинный. – Издевается, гад. Представляю, сколько бабла он в это мероприятие вбухал. Лучше бы к гонорарам добавил.

– И не говори, Василий Алексеич, – пробубнил Морж. – Знаем мы, какие такие плоды он пожать хочет, извращенец.

Здоровяк всхотнул и тут же зажал рот кулаком и мелко затрясся, давя смех.

– Сегодня особенная ночь, – продолжал хозяин. – Ночь, когда происходят новые встречи, завязываются новые знакомства, рождаются замыслы и становятся реальностью мечты. Ночь торжества творчества, ночь, когда все возможно и все позволено. И я хочу, чтобы вы, мои дорогие друзья, насладились ею сполна. Веселитесь! Танцуйте, флиртуйте, развлекайтесь! Наслаждайтесь молодостью и свободой, ведь они отпущены нам так ненадолго. Жизнь коротка, искусство вечно, как говорили древние. Так пусть же наше искусство поможет нам хоть ненадолго продлить наш краткий человеческий век.

Кто-то из гостей, поспешив последовать совету гостеприимного хозяина, бодро ухватил за талию даму в сильно декольтированном изумрудном платье и увлек ее в затемненную нишу. Дама рассмеялась низким грудным смехом и хлопнула кавалера по руке сложенным веером.

– Я же хочу попросить сказать несколько слов моего дорогого друга, прекрасного актера...

Дослушать речь хозяина дома до конца женщина не смогла, потому что как раз в этот момент колыхавшийся за ее спиной здоровяк все же не сдержался и взорвался громогласным залиvistым хохотом. Морж, поспешив на помощь товарищу, выхватил из внутреннего кармана пиджака засаленный клетчатый носовой платок и, показательно охнув: «Вам плохо, Юрий Гаврилович?» – ринулся к здоровяку и поволок его на террасу. Гости лишь на минуту обернулись на шум и тут же забыли о случившейся заминке. Хозяин вечеринки сжал обтянутое белым пиджаком плечо мужчины и чуть подтолкнул его, заставляя сделать шаг вперед.

– Я, честно говоря, несколько озадачен, – сияя все той же солнечной улыбкой, начал тот. – Почему наш дорогой Мустафа предоставил слово именно мне?

Однако, раз уж мне выпало произносить приветственную речь, хочу сказать, что ждал этого проекта очень долго, можно даже сказать, мечтал о нем. И если сегодня действительно та ночь, когда мечты становятся явью, то это, определенно, и мои мечты. Я с нетерпением жду начала работы, возможности соприкоснуться с талантом таких прекрасных людей, приглашенных нашим дорогим хозяином на проект. Впрочем... – Он вдруг обольстительно улыбнулся и сверкнул глазами. – Это все завтра. А сегодня... бал продолжается. Пусть же всех нас захватит вихрь тайны, игры, страсти и веселья, на которые завтра мы, серьезные деловые люди, уже не будем иметь права.

С этими словами мужчина, ловко вывернувшись из-под стискивавшей его плечо руки человека в мантии, метнулся к стоявшему в глубине комнаты старинному роялю с украшенными замысловатой резьбой ножками и подставкой для нот. Огоньки свечей в тяжелых серебряных подсвечниках, установленных на крышке рояля, вздрогнули и заколыхались от его рывка. А мужчина, взмахнув белыми рукавами, как крыльями, ударил по клавишам, заиграл «Турецкий марш» Моцарта. И из-под его быстрых ловких пальцев полетели, понеслись вскачь звуки такие задиристые, звонкие, звенящие каким-то совсем уж отчаянным, безумным весельем, что мало кто из гостей удержался и в ту же минуту снова не пустился в пляс.

Лакей в костюме Пьеро приглушил свет под потолком, и по зале заметались, закружились тени, смутные силуэты, мерцающие одеяния. Завертелись в бешеной пляске локоны, шали, маски, бабочки, перчатки, веера, треуголки и длинные накладные носы.

Кто-то обвил руками талию женщины в серебристом платье, закружил ее в танце. И она не заметила, как смолкли звуки рояля и снова грянул оркестр. Мелькнул в толпе утиный профиль длинного, словно приносящегося к здешним кружащим голову ароматам. Проплыли мимо смоляные кудри восточной красавицы. Запестрели разноцветные ромбы на костюмах ловко уворачивающихся от танцующих арлекинов с подносами.

Женщина склонила голову к плечу и вдруг увидела в украшавшем стену большом зеркале свое отражение. Стройную легкую фигуру, обтянутую узким серебристым платьем, яркий, завязанный причудливым узлом платок, скрывающий волосы, небольшую маску, сквозь миндалевидные прорези которой видны были глаза. И поразила ее тому, насколько же эта бесспорно привлекательная, окутанная тайной незнакомка не имела ни малейшего

отношения к ней самой. Чужая, загадочная, неуловимо прекрасная... Лишь только глаза, смотревшие из-за маски со страхом, со смутной тревогой и тоской, были узнаваемы. Да, глаза принадлежали именно ей...

Ее партнер нетвердо покачнулся и ткнулся носом в шелковый узел на платке, и женщина наконец узнала его – это был тот самый плечистый вихрастый юноша в белой рубашке.

– Сумасшедший дом какой-то, – растягивая слова, доверительно пожаловался ей он. – Все кружится... И все говорят так умно, я не понимаю...

– Мальчик мой, вы пьяны! – догадалась женщина.

И вихрастый юноша тут же вздрогнул и взглянул на нее испуганными глазами.

– Я не пил! – горячо заговорил он, мотая головой. – Я – ни капли! Клянусь.

Потом оступился, ухватился за ее плечи, чтобы удержаться на ногах, и вполголоса повинился:

– Только не говорите Юрию Гавриловичу. Пожалуйста, не говорите! Он меня убьет... Домой отправит, в Москву. Он грозился...

Женщина, усмехнувшись, похлопала беднягу по младенческо-розовой круглой щеке и пообещала:

– Не скажу! Вы только не пейте больше, Сережа. А лучше всего – поезжайте в гостиницу и ложитесь спать. Завтра трудный день.

Парень радостно закивал и, выпустив талию женщины, шмыгнул в толпу. И снова все завертелось, зазвенели тарелки, запели скрипки, зашипало в носу от шампанского. Откуда-то выплыла восточная красавица, вещающая своему спутнику на ломаном английском:

– Я так хочу сыграть эту роль, так хочу! Мне объяснили, какая это великая книга. Я буду сильно стараться, очень сильно.

Ее сменил царственный британец со спускавшимися на воротник пиджака красиво растрепанными темно-русыми прядями. За ним снова мелькнул озадаченно трясущий обвисшими брылями Морж. У женщины от всего этого закружилась голова. Пробормотав какое-то вежливое извинение очередному собеседнику, она начала пробираться к ведущим на террасу распахнутым дверям, за которыми влажно и жарко дышала звездная южная ночь. Застывшая, безветренная, она словно манила вырваться из этой опьяненной весельем залы и упасть в ее объятия.

Пробираясь к дверям, женщина снова наткнулась на хозяина дома, теснившего к роялю мужчину в белом костюме. Черная мантия его развевалась, над собеседником хищно нависал длинный нос черно-белой маски.

Женщина едва успела ступить на порог террасы, как мужчина в белом, видимо, умудрившийся все же сбежать от карнавального Мефистофеля, нагнал ее, шепнул на ухо:

– Чудная ночь, не правда ли?

И до женщины донесся его запах – какой-то чарующий свежий древесный аромат с легким привкусом сандала, то ли изысканный парфюм, то ли естественный, природный запах этого удивительного, легкого, изящного человека, прекрасного пианиста, оратора и друга хозяина. И отчего-то от этого запаха захолонуло в груди и сильнее забилось сердце.

– Вы позволите? – спросил мужчина.

И, не дожидаясь ответа, не дав выйти на манящий темнотой балкон, обхватил ее изящными, но сильными руками за талию, качнул, закружил, возвращая к танцующим. В светлых глазах его дрожали отсветы мерцающих огней, по серебристой маске плясали блики, и от того создавалось ощущение, будто настроение его постоянно меняется. От безудержного веселья – к самой черной тоске, от игривой фривольности – к тяжелому раздумью. Черт его рассмотреть как следует женщина не могла, но ей показалось, будто мужчина пленяет странным хрупким очарованием надломленного увядающего цветка, все еще нежного, сильного, тянущегося к свету, но уже обреченного на скорую гибель.

Сладко-древесный сандаловый дурман окутал женщину, прерывистое дыхание мужчины опалило ей щеку, скользнуло к уху. Все так же медленно кружа ее в танце, мужчина поднял руку, отвел двумя пальцами тонкий шелковый край платка и вдруг коснулся виска, щеки, скользнул ниже, к шее. У женщины зашумело в голове, сердце, подпрыгнув в груди, бешено заколотилось, и она удивилась себе. Привыкла думать, что уже не способна на такие чувства, что ничто на свете не сможет смутить ее, взволновать, впрыснуть в кровь колкое электричество, поколебать ее отрешенность.

– Что вы?.. Зачем?.. – хрипло шепнула она, не в силах отвести глаз от его темно-розовых, свежих, словно припухших губ.

Но мужчина, не слушая, вдруг подался вперед, задел темными волосами лоб и припал горячим ртом к ее губам.

Глава 2

Морская гладь была расцвечена полосами – бирюзовыми, небесно-голубыми, насыщенно-синими. Солнечные лучи, дробясь о поверхность воды, вспыхивали золотыми и серебряными искрами, такими яркими, что больно было смотреть. Ветра не было, не было и волн. Море лишь размеренно дышало и чуть плескалось белоснежной пеной у берега, ласкаясь к тяжелым темно-серым камням, как котенок. Воздух пах этими самыми нагретыми солнцем древними, как мир, камнями, сосновой смолой, солнцем и солью. Дышалось легко, так легко, что казалось – сделай особенно глубокий вдох, и тело твое станет невесомым, легким, будто воздушный шар, оторвется от земли, поднимется в воздух и полетит прямо туда, к едва заметным в вышине перистым облакам. Катерина вдохнула поглубже, но не взмыла ввысь, нет, лишь почувствовала, как приятно щекочет где-то под ложечкой, и тихо рассмеялась – сама не зная чему. Наверное, вот этому ощущению – солнца, тепла, простора, небывалой легкости и полноты жизни.

Она поудобнее уселась в мягком шезлонге, вытянула вперед ноги, откинула голову и полюбовалась украшенной причудливой искусной резьбой крышей беседки. Легкая, как дорогое кружево, она, тем не менее, надежно защищала от слишком пылких солнечных лучей, даря так ценимую здесь, на юге, тень и

прохладу. Книжка, которую Катерина читала, выскользнула у нее из рук и с мягким стуком упала на каменный пол беседки. Но наклоняться за ней было лень, читать не хотелось, довольно было лишь вот так бездумно нежиться у берега, слушать ласковый шепот моря, вдыхать запахи солнца, воды и сосен – аромат безмятежности.

Вдруг слева от Катерины раздался залиvistый смех, и мальчишеский голос звонко выкрикнул:

– Заводи! Ну скорее же!

А приятный певучий мужской баритон отозвался ему в ответ:

– Подожди, сынок. Сначала нужно отвязать канат. Вот здесь, видишь?

Катерина медленно оглянулась и заметила располагавшуюся слева от беседки небольшую частную пристань. По сути – всего лишь дощатый настил на высоких металлических опорах, уходивший носом далеко в воду. Внизу, у конца мостков, покачивался на воде маленький белый катер. Высокий, стройный и гибкий мужчина в закатанных до середины лодыжек белых брюках и темно-синей футболке стоял на коленях и пытался отвязать от буна канат, которым привязан был катер. Катерине с ее наблюдательного пункта видно было, как напрягаются от усилий его красивые изящные руки с длинными пальцами, как ходят под почти не тронутой загаром кожей мышцы.

Лица мужчины она не видела, лишь аккуратный затылок, блестящие под солнцем каштановые волосы, кончики прядей, задевающие ворот футболки. Рядом с ним – тоже спиной к Катерине – подпрыгивал от нетерпения, притоптывая босыми пятками по деревянным рейкам, мальчик лет четырех. Ей хорошо видны были его затертые джинсовые шорты с крошечными карманчиками, полосатая красно-белая майка и буйные темно-каштановые кудри, поблескивавшие в лучах солнца. «Кепку нужно надеть, голову напечет», – отвлеченно подумала она и хотела уже окликнуть мальчика, но почему-то не смогла. Во всем теле как будто разлилась теплая солнечная истома, и сложно было поднять руку, повернуть голову, заговорить.

Чуть прищурившись от солнца, Катерина продолжала смотреть, как мальчик с отцом, деловито переговариваясь, как верные товарищи, вместе возились с

толстым узлом. Теперь уже можно было разглядеть и лицо мальчика – поразительно красивое, правильное, завораживающее, словно лицо ангела с картины эпохи Возрождения. Как затем мальчик, не справившись с нетерпением, промчался по пристани, звонко топоча розовыми пятками по доскам, и спрыгнул на берег. Обежал мостки и запрыгал по воде, вздымая в воздух облака хрустальных брызг. Как мужчина, смеясь, прикрикнул на него, чтобы не забегал один далеко в море, затем, наконец, распустив узел, тоже спустился вниз, вошел в воду, намочив закатанные штанины, и, подтянувшись, запрыгнул в катер. Мальчишка запищал совсем уж восторженно, и отец, протянув к нему руки, подхватил его, поднял в воздух и опустил на палубу. И тогда мальчик, обернувшись к Катерине, словно впервые заметил ее и в восторге закричал:

– Мама! Мама, мы поплывем! Мама!

А Катерину, словно теплой соленой волной, с головой накрыло ощущение полного, бесконечного, беспримесного счастья. Счастья не мимолетного, но постоянного, стабильного, такого, которое было с ней вчера и будет завтра. И вместе с тем пришло осознание любви – всепоглощающей, горячей, самой искренней, самой глубокой и неподдельной. Любви к этому мальчику, подпрыгивающему в своем детском нетерпении, и к этому мужчине, снаряжающему для него катер, к самым родным, самым дорогим для нее людям на свете. К созданиям, без которых немислима жизнь, без которых ничего не имеет смысла. И счастье, окутывавшее женщину, омрачилось страхом – страхом потери, пониманием, что, если вдруг этого мужчины и этого мальчика с ней больше не будет, она погибнет, просто перестанет существовать, не станет их – и кончится жизнь.

Она вскинула руку, чтобы помахать мальчику и его отцу, ощутила, как ладонь, вместо того, чтобы зачерпнуть теплый воздух, проехала по чему-то гладкому, скользкому и прохладному, нахмурилась, замотала головой. Веки дрогнули, и яркая картинка начала смазываться, дробиться перед глазами. Откуда ни возьмись в голову вполз пронзительный электронный писк, и море мгновенно выцвело, солнце погасло, исчез смолистый запах сосен, а затем Катерина открыла глаза и уставилась в обернутую белоснежной хлопковой наволочкой подушку. Рядом, на тумбочке, разрывался будильником мобильный.

В груди больно толкнулось что-то неприятное, тяжелое, холодное. Застряло в горле, сдавило дыхание, закрутило, замутило, и Катерина, подавившись всхлипом, вдруг заплакала, до боли сжимая в пальцах угол подушки. Это было

так жестоко, так бесчеловечно: ей зачем-то ярко и объемно показали то, чего у нее никогда не будет. Визуализировали несбыточную мечту, заставили на мгновение поверить в то, что это все происходит с ней наяву. Эта любовь, безбрежная, бесконечная, такая, которая выпадает лишь раз в жизни и которую ей не довелось испытать... И никогда уже не доведется, потому что все кончено, жизнь кончена, все погребено, не успев даже начаться...

Реальность, в которой ничего подобного никогда не происходило и не произойдет, навалилась на Катерину со всей своей безжалостностью. Сердце, словно разодранное в кровь, ныло и саднило в груди, горло жгло слезами, и Катерина из последних сил удерживалась, чтобы не завывать в голос, не заголосить, не заорать. Не напугать вышколенный персонал этого шикарного пятизвездочного отеля. А то еще, не дай бог, позвонят продюсеру, который и заказывал здесь для нее номер, тот тоже примчится, предложит вызвать врача, взволнуется – шутка ли, с режиссером проекта истерика на пустом месте. Дойдет до группы, поползут слухи, святая троица – Вася, Петя и Юра, знакомые с ней еще по Москве, – добавят старых сплетен, и все полетит в тартарары.

Нет, нет, нужно брать себя в руки. Прекратить этот глупый, никому не нужный срыв, успокоиться, прийти в себя. Что же делать, есть на свете женщины, которые созданы для любви, для того, чтобы быть верными спутницами и заботливыми матерями. А она – так уж вышло – не из их числа. Ее предназначение, то, что не дает окончательно опуститься и махнуть на все рукой, – это работа, радость созидания, воплощения и пробуждения к жизни своих замыслов. И теперь, после стольких лет, эта работа наконец у нее была. А значит, как бы ни было больно, нужно подниматься и идти вперед.

Двигаясь, словно сомнамбула, Катерина спустила ноги с постели, добралась до соседней комнаты, где находился спрятанный за деревянной панелью холодильник, достала из него уже ополовиненную бутылку виски и сделала несколько глотков из горла. Пряная жидкость приятным теплом разлилась по телу, и сразу как-то легче стало дышать, и грудь перестали теснить рыдания. Катерина аккуратно завинтила крышку и, подумав, упаковала бутылку в сумку, прикрыв сверху упаковкой влажных салфеток. Пришла вдруг непрошенная мысль о том, что человек, оплачивающий ей этот номер, конечно же, увидит в счете отдельную строку за пользование мини-баром, поймет, что она пила тут, в одиночестве, но Катерина затолкала ее подальше. Затем нашарила тут же, в кармане, упаковку мятной жвачки, сунула в рот подушечку и уже увереннее, спокойнее чувствуя себя, вернулась в спальню.

В глаза тут же бросился валявшийся на кресле вчерашний карнавальный наряд. Серебристая парча, тяжело стекавшая с кресла на пол, шелковая лужица головного платка, сиротливо свесившая шелковые завязки маска. Все это, накануне казавшееся таким изысканным, таинственным, нездешним, теперь, при свете дня, отдавало дешевой бутафорией. Шелуха праздничного вечера, фальшивые блески, позапрошлогоднее конфетти...

Этот костюм, как и номер в «Хилтон Босфорус», одном из самых старых, фешенебельных и буржуазных отелей Стамбула, предоставил ей продюсер проекта Мустафа Килич. Она обнаружила серебристое парчовое платье, платок и маску аккуратно разложенными на кровати, и в первую минуту у нее появилось ощущение, будто она по нелепой ошибке зашла не в свою комнату. Весь этот роскошный подчеркнута женственный наряд так не вязался с тем, как она в последние годы привыкла о себе думать... Катерина тогда осторожно, опасливо дотронулась до платья, провела кончиками пальцев по шершавой материи, поднесла к лицу маску, зачем-то даже понюхала темный бархат. Вот уж действительно маскарадный костюм, призванный превратить унылую бесцветную куколку в экзотическую бабочку.

Приглашение на карнавал в доме Мустафы Килича лежало тут же, на кровати. Первым побуждением Катерины было отказаться, позвонить бог знает что такое затеявшему продюсеру и сухо поставить его в известность, что она, если он забыл, серьезный режиссер, приехала сюда, в Турцию, работать, и участвовать в сомнительных развлечениях не имеет никакого желания. Однако в конце концов она этого не сделала, наоборот, полдня промаявшись неуверенностью, к назначенному времени послушно облачилась в сказочные блестящие тряпки, впорхнула в ожидавшую ее у входа в отель машину и отправилась на этот странный «бал у сатаны», затеянный Мустафой, видимо, для того, чтобы труппа погрузилась в нужную атмосферу и естественнее восприняла малопонятный для многих ее членов материал. А там, на балу, произошло нечто... странное, неожиданное, яркое, смутившее ее и спутавшее все представления.

Набросив на плечи белый пушистый гостиничный халат, Катерина мельком глянула на себя в зеркало. Из золоченой рамы на нее уставилась в ответ болезненно-худая, изможденная женщина неопределенного возраста. Лицо гладкое, без морщин, однако настолько усталое, потухшее, что легко могло бы принадлежать и старухе с хорошей от природы кожей. Сवेशивавшиеся на лоб рваными прядями остриженные по мочки ушей некогда русые волосы, сейчас

заметно присыпанные сединой. Бескровные, сжатые в узкую линию губы. Тонкие, как птичьи лапки, руки, судорожно комкающие у горла отвороты халата. Трудно было представить себе, что эта унылая, неинтересная, усталая женщина еще каких-то восемь часов назад кружилась в вальсе, облаченная в роскошное платье, смеялась, откидывая голову, флиртowała... Целовалась с прекрасным незнакомцем на продуваемой морским ветром террасе. Целовалась так, будто для нее не было ничего более естественного, чем вот так вот отдаваться в чужом доме царящей в нем атмосфере сексуальной игры, смеяться приглушенно и подставлять шею под горячие губы. Словно все это было для нее обычным делом, и интерес к ней удивительного, искрящего молодостью, красотой, обаянием и талантом мужчины принимался ею как должное.

Катерина передернула плечами, сбрасывая снова начавший кружить ей голову вчерашний морок, прошла по комнате и выглянула на балкон. Прекрасный отель «Хилтон Босфорус», в котором располагался ее номер, стоял на возвышенности, и с балкона открывался удивительный вид. Прямо внизу, под окнами, цвел сказочный сад с высокими деревьями, аккуратными клумбами и множеством затененных укромных уголков, за ним начинался городской парк. Кате видно было, как, змеясь, спускается по склону скоростное Стамбульское шоссе, как встают внизу величественные очертания недавно построенного суперсовременного стадиона «Водофон», как выглядывает из-за него дворец последнего турецкого султана. А дальше, еще дальше, медленно катит свои воды Босфор, этот вечный путь, соединяющий Европу и Азию. В этот утренний час канал был запружен разнообразными судами, кораблями, огромными баржами, издававшими низкие протяжные гудки, белоснежными частными яхтами, спешащими унести своих хозяев от городской суеты. Над водами канала высилась девичья башня, в которой, как знала Катя, некогда заточали непокорных султанш. А в небе над всем этим великолепием парили изящные белокрылые чайки.

До сих пор Катерине не доводилось бывать в Стамбуле, и увиденное поразило ее – это был какой-то совсем иной, пока неизвестный ей мир. Мир живой и энергичный, существующий по своим законам, яркий, полный природной силы, так непохожий на только вчера оставленную ею хмурую неприветливую Москву. Катя на секунду прикрыла глаза, вслушиваясь в доносящиеся до нее снизу, от разбросанных по городу мечетей, мелодичные звуки утреннего намаза.

Несмотря на ранний час, стамбульское солнце жарило уже основательно, опаляло кожу своими жгучими прикосновениями. И Катерине снова невольно

вспомнился вчерашний вечер. Нет-нет, к черту, все это нужно выбросить из головы. Она не романтически настроенная шестнадцатилетняя барышня, чтобы мечтать о прекрасном принце. Да и что уж там, в ее ситуации это было бы просто смешно. К тому же впереди много работы, серьезный проект, который, возможно, будет иметь решающее значение в ее судьбе, поможет вернуться в профессию, восстановит имя. Вот о чем нужно думать, а не перебирать в памяти разноцветные блестящие осколки какого-то несбывшегося сна. Ей тридцать три, она взрослый разумный человек, профессионал, и в юные-то годы не особенно предававшийся розовым девичьим мечтам. Нет, даже и в восемнадцать, в двадцать, в двадцать пять у нее на первом месте всегда была работа – искусство, театр, режиссура. А всему остальному – человеческому, эмоциональному, женскому – отводилась роль второго плана.

Когда-то давным-давно Катя Лучникова была золотой девочкой, умницей, лучшей студенткой курса, надеждой современного российского театрального искусства. На режиссерском факультете ГИТИСа души в ней не чаяли, руководитель творческой мастерской Дружкин, сам известный МХАТовский режиссер, не стеснясь, открыто твердил всем и каждому, что Катя Лучникова – самая талантливая его студентка за последние пятнадцать лет, преемница, наследница и продолжательница идей. Катя и сама бредила театром, в институт всегда бежала, как на долгожданное свидание, ночами иногда просыпалась и хваталась за блокнот – записать пришедшую к ней во сне режиссерскую идею по поводу постановки той или иной пьесы, чтобы утром поделиться своими соображениями с мастером. В студенческих тусовках и шалостях она участия не принимала. Не потому, что была такой уж серьезной и законопослушной, а просто это было неинтересно, скучно, пресно. Чего ради тратить время на какие-то дурацкие развлечения, побеги с лекций, душные посиделки, когда можно поломать голову над сложной пьесой, испещрив поля своими пометками, или забиться в репетиционный зал, вдыхать запахи сцены, кулис, пыльного занавеса, софитов и представлять себе, как задвигаются, заговорят, затанцуют здесь под твоим чутким руководством любимые герои.

У нее как-то даже и юношеских романов не было – так, не особенно интересные, не оставившие заметного следа в душе истории. Вадим с четвертого курса, Кирилл с актерского факультета... Все не стоящая внимания чепуха.

Начиная со второго курса мастер брал Катю на театральные фестивали в Брно и другие европейские города, давал ей возможность представить свои первые

пробы в профессии на большой сцене. И студентку Лучникову принимали, хвалили. Многие известные европейские театральные мэтры благосклонно качали головами и шушукались о талантливой русской девочке, которая, без всяких сомнений, далеко пойдет. Дипломный спектакль Катя – при поддержке все того же Дружкина – поставила на малой сцене МХАТа. Провела основательную работу, собрала сильную, очень талантливую группу артистов театральных институтов и создала совсем не ученическую, а серьезную, значительную постановку. Спектакль в результате был замечен не только в преподавательских кругах. Нет, ее работа была отлично принята зрителями, получила хорошие рецензии в прессе.

По окончании института Катерину пригласили работать и во все тот же МХАТ и в центр имени Мейерхольтда. В последний она поступила в качестве основного режиссера, однако и во МХАТе делала несколько постановок. Ее спектакли – смелые, яркие, авангардные – привлекали внимание, гремели по всей стране, получали призы на фестивалях. Со своим «Гамлетом» Катя успела побывать и в Европе, представить его на парижской, берлинской, лондонской сценах, и везде неизменно срывала аплодисменты и восторженные отклики. Будущее перед ней открывалось самое блистательное. Впереди было много интересной работы – новые постановки, новые сцены, еще до конца не охваченные возможности современного театра. Катя была счастлива, полна идей и творческих планов.

В двадцать шесть она вышла замуж за известного бизнесмена Павла Федорова, человека сильного, горячего, властного и твердо стоявшего на ногах. Кате муж – высоченный, плечистый, брутальный, с широченной спиной и крепкими массивными мускулистыми руками, с шапкой темно-русых волос и пробивавшейся на тяжелом подбородке бородой, – всегда чем-то напоминал Парфена Рогожина – то ли купеческой широтой души, то ли таившимися под внешним спокойствием и невозмутимостью темными страстями. Кажется, именно после знакомства с ним она, привыкшая все эмоции, все жизненные впечатления сублимировать в работу, задумала постановку «Идиота» и сутками пропадала в библиотеках, выискивая весь возможный материал на эту тему, от записных книжек Федора Михайловича до отзывов о предыдущих кино- и театральных постановках этой книги. Павел, впрочем, творческую свободу Катерины никогда не ограничивал, к работе не ревновал и вообще относился к режиссерским успехам молодой жены со вниманием. Каждую премьеру присылал в театр корзину цветов, терпеливо выслушивал Катини идеи и размышления вслух. Человек, далекий от театра, но умный, начитанный и сметливый в жизненных вопросах, он порой давал ей на удивление тонкие и точные советы по постановкам. Больше того, в определенный момент Павел

основал фонд помощи детям-инвалидам и нередко под его эгидой спонсировал Катины постановки, отчисляя на счет фонда часть собранных средств.

В целом свое замужество Катя привыкла считать счастливым. Возможно, она и не испытывала с Павлом того душевного трепета, о котором читала в книгах – впрочем, такие сильные эмоции до сих пор в ней вообще вызывала только сцена, – но он определенно любил ее, относился с нежностью и заботой, поддерживал и не давил, несмотря на властный характер. Временами Катя задумывалась о детях, воображала себе некую идеальную полноценную семью – румяных мальчика и девочку за круглым обеденным столом, хохочущего с ними мужа и себя саму, спокойную, умиротворенную, никуда не спешащую. Но эта картинка так плохо сочеталась с привычным ей ритмом жизни – с многочасовыми репетициями, спектаклями, гастрольями, с выяснением отношений с театральным руководством, выбиванием дополнительного бюджета на декорации и костюмы, нервами, суетой, головными болями, – что она мысленно отодвигала ее подальше, убеждая себя, что времени на решение репродуктивного вопроса у нее еще вполне достаточно. Павел и в этом на нее не давил, хотя сам определенно детей хотел. Ждал, наверное, что однажды Катерина и сама «дозреет» и сменит фокус восприятия на семейные ценности.

Тот самый «Идиот», который Катя задумала еще в первые месяцы замужества и так долго вынашивала, наконец, должен был воплотиться в жизнь. Катя всю готовилась к постановке на сцене Мейерхольдовского центра. Павел же снова выразил желание выступить спонсором, привлечь к проекту его благотворительный фонд, куда должна была после премьеры уйти часть выручки. Катя с головой ушла в подготовку к премьере, с мужем почти не виделась: сама вечно была в театре, Павел же привычно пропадал на работе. Катерина в особенности бизнеса мужа никогда не вникала, знала лишь, что это что-то связанное с добычей природных ресурсов. Голова ее всегда была так полна театром, что на лишние знания места в ней просто не оставалось. Федоров своим делом в целом был доволен, если возникали какие-то проблемы в работе, Катю в них не посвящал, отмахивался, твердил: «Не хочу еще и дома об этом», – а Кате того было и довольно. В конце концов, она тоже не жаловалась ему на так неудачно ушедшего в запой перед началом репетиций артиста Санникова и отказавшуюся принимать участие в спектакле из-за тяжелой беременности приму Полякову.

Подготовка к спектаклю шла своим чередом, был сформирован бюджет, часть которого должна была обеспечить компания Павла, заказаны декорации,

костюмы, особенное световое оборудование, реклама в СМИ, когда вдруг грянула катастрофа.

Катерина до сих пор как вживую слышала голос Павла в телефонной трубке – какой-то сухой, бесцветный, так непохожий на его привычный густой бас.

– Катя, мне придется уехать, – сообщил он ей, и она явственно увидела, как он болезненно морщится, как делал всегда, когда приходилось объясняться экивоками, что претило его прямой натуре. – Не знаю пока, надолго ли. Как только смогу, дам о себе знать.

У нее немедленно занял висок, к которому прижимался край мобильного. Все это отдавало какой-то нелепой постановкой, дурным водевилем. Что значит – придется уехать, не знаю, надолго ли? Куда уехать? Как? Для чего? Вскочить на скакуна и умчаться, спасаясь от королевских ищеек?

Спросить, впрочем, она ни о чем не успела, муж дал отбой, и в последующие дни номер его оставался недоступен. Зато, как из рога изобилия, посыпались звонки от коллег мужа, членов совета директоров компании, руководства театра и, наконец, ФСБ.

Катерина так и не поняла толком, что же там такое произошло. Выходило, кажется, что фонд помощи детям-инвалидам, который основал Павел, затеян был для отмыwania денег его компании. Что с его помощью Павел по какой-то хитрой схеме уклонялся от налогов. Теперь, когда все вскрылось, счета и фирмы, и фонда были арестованы, однако же, как выяснилось, вместе с исчезнувшим Павлом со счетов компании пропали и солидные суммы денег, в том числе и те, спонсорские, что должны были обеспечить постановку спектакля. Именно это объяснили ей суховато-вежливые люди в штатском, заявившиеся к ней домой через три дня после исчезновения Павла.

Вот так, на ровном месте, узнать, что твой муж, которого ты уважала, которому привыкла доверять, мошенник и вор, было нелегко. Однако времени сосредотачиваться на собственных ощущениях у Кати просто не оказалось. Выслушав ее заверения о том, что она не знает, где Федоров, не имеет с ним никакой связи, была не в курсе его махинаций и планов по уводу капиталов за рубеж и, уж конечно, не имеет доступа ни к каким счетам, люди в штатском Кате не поверили. Напротив, в ближайшие дни развернули для нее маленький

персональный ад.

Катю снова и снова вызывали на допросы, давили морально, тонко запугивали, ломали. Требовали перестать упрямиться и сдать местоположение мужа. Подкарауливали везде – у дверей собственной квартиры, в транспорте, у магазина, в коридорах театра. Нервы у Кати были на пределе, она стала шарахаться от каждой шагнувшей к ней на улице тени. И на любой самый невинный заданный вопрос готова была истерически проорать в ответ:

– Я не знаю, где он! Не знаю!

Ко всему этому ужасу, в который внезапно превратилась ее жизнь, особую нотку добавляли сомнения – что, если Павел на самом деле никакой не мошенник, что, если его подставили, повесили на него чужие долги, и он вынужден был бежать ради спасения собственной жизни? Но как же тогда он мог оставить ее? Как же не увез с собой, хотя бы не предупредил?

Ответа на эти вопросы у Кати не было. В висках же колотилась оброненная следователем на одном из допросов угроза:

– Зря вы отказываетесь помочь государству, Екатерина Андреевна. Оно ведь может отплатить вам тем же. Вы готовы к тому, что станете никем?

Как оказалось, следователь был прав, Катя была к этому совсем не готова.

Спектакль, разумеется, отменили почти сразу же. Но этого было мало – очень скоро Катя обнаружила, что стала для коллег настоящей парией. На нее косились неприязненно, за спиной слышались ехидные шепотки, второй режиссер проекта, Сережа Шмелев, столкнувшись с ней в коридоре, попросту отвернулся, сделав вид, будто они незнакомы. А директор театрального центра, к которому, в конце концов, Катя явилась, чтобы потребовать объяснений, выслушав женщину с таким выражением лица, словно ему досаждала зубная боль, посоветовал ей не предъявлять претензий.

– Я мог бы уволить вас по статье, вы же понимаете, – холодно объяснил он. – Все эти махинации с фондом, с уклонением от налогов под прикрытием благотворительности бросают тень на весь наш театр. Но мы с вами не первый год знакомы, до сих пор, в общем-то, я знал вас как талантливого и порядочного

человека. Так что, в память о прошлом, предлагаю – увольняйтесь сами, не вынуждайте меня идти на конфликт. Вам это сейчас совершенно не на руку.

– Но поймите, я действительно ничего не знала о ситуации мужа, – взмолилась Катя. – Я ведь сама была крайне заинтересована в том, чтобы мой спектакль состоялся. Неужели я пошла бы на такой обман, сами подумайте!

Ей сейчас было не до гордости. В перевернувшемся, расплывшемся по швам мире театр оставался единственным, за что она могла ухватиться, удержаться, спастись от неумолимо засасывающей ее бездны. И если для того, чтобы не потерять и это, последнее, нужно было рыдать и упрашивать сухощавого человека с зеленоватым лицом вечного язвенника, она готова была и на это.

– Я действительно не знаю, где сейчас мой муж. И, в конце концов, госорганы разберутся во всем и поймут, что я говорила правду...

– Голубушка моя, это вы следователю своему объясняйте. А я – не фээсбэшник, – сухо отозвался директор. – Не милиционер, не детектив. Мне разбираться, виноваты вы или нет, некогда. Я работаю с фактами – спектакль, который вы должны были ставить, закрыт и с репертуара снят, вы себя зарекомендовали как человек ненадежный. Мне благодаря вам досаждают сотрудники сами знаете какой организации. Я человек занятой, немолодой уже, на кой мне черт эта нервотрепка? А кроме того, на ближайшее время все постановки уже утверждены, для вас у меня работы нет, а держать в штате бесполезного сотрудника – извините, на благотворительность у меня бюджет не выделен.

Что ж, разговора с директором не получилось. Но Катя не собиралась сдаваться – обращалась во все инстанции, писала письма, звонила, пыталась взывать к коллегам, к знакомым по предыдущим ее проектам. И каждый раз снова и снова натыкалась на равнодушные лица и закрытые двери. Очевидно, вежливые люди в штатском действовали проворнее, заранее упреждая каждый ее шаг. Ей планомерно перекрывали кислород, воплощая в жизнь страшную угрозу. И вскоре Катя прочувствовала, что это такое – быть никем – на собственной шкуре. Ее просто не замечали, смотрели сквозь, вычеркнули отовсюду. О ней забыли – или старались забыть как можно скорее.

Катя металась по Москве, как загнанный зверь, обивала пороги, пыталась добиться справедливости. А по вечерам возвращалась в опустевшую квартиру. В

квартиру, где прожила три года с человеком, которого, по всей видимости, совершенно не знала. Который оказался способен подставить ее, впутать в свои аферы. Или попросту безжалостно бросить, спасая собственную жизнь. В квартиру, куда к ней приходили с обыском, где ее допрашивали, морально давили, ломали, туманно угрожали. В квартиру, которая перестала быть домом, перестала быть даже безопасной конурой, где можно отлежаться. Чужое, запятнанное, зачумленное место, клетка, из которой не вырваться, не взлететь, потому что увольнение из театра перебило крылья, надломило хребет.

И в конце концов, отчаявшись, ощутив полную беспросветность своего положения, Катя однажды просто свалилась в этой самой квартире на диван носом к спинке. Не плакала, не думала, не пыталась разработать стратегию дальнейшего поведения. Находилась в каком-то полусонном забытии, тупой апатии, оцепенелом бесчувствии. Телефон не звонил. Вестей от Павла по-прежнему не было. Если кто из ее знакомых и питал к ней сочувствие – должны ведь были быть и такие? – они, тем не менее, сторонились ее, как прокаженной. Поддержки ждать было неоткуда. Близких друзей у Кати, в общем-то, никогда не было, все – время, эмоции, силы, любовь – уходило в работу. Теперь же, лишившись и ее, Катерина ощущала себя, как беспомощный младенец, не видела вокруг ни одной опоры, которая помогла бы ей шатко, нетвердо, но все же встать на ноги.

И в один из дней, окинув рассеянным взглядом комнату, Катерина задержалась глазами на стеклянных дверцах шкафчика, где муж хранил алкоголь. Виски маслянисто плеснулся в стакане, обжег с непривычки горло, прямой волной прокатился по телу, согревая, успокаивая, баюкая. Сразу отступили подкатывавшие к глазам слезы, ушло чувство беспомощности, паники, страха перед будущим. И даже Павел, три года смотревший на нее темными, подернутыми страстью глазами, называвший своей маленькой девочкой и клявшийся, что будет любить и баловать ее вечно, теперь вспоминался лишь с какой-то ироничной тоской. Что ж, и так бывает. Поверила мутному мужику, подставилась, развесила уши, глупая. Ну да ладно, не ты первая, не ты последняя. Спасибо, что жива осталась.

Катя еще пыталась что-то делать. Убедившись, что в московских театрах дела с ней иметь не хотят, звонила в питерские, нижегородские, самарские, какие-то еще. Запас мужниного виски – как и запас душевных сил – подходил к концу, результата не было. По одному из номеров сердобольная директриса театра объяснила ей, что подробностей ее истории она не знает, однако с именем ее

связан какой-то скандал, «а ведь вы понимаете, репутация храма искусства такое дело...» И в конце концов, когда Катя была уже близка к тому, чтобы расколошматить телефон – а за ним и собственную голову – о стену, ей все же ответили – не то чтобы положительно, нет. Просто продиктовали номер человека, руководителя театра одного из кавказских регионов страны, который, по слухам, в свой последний приезд в Москву очень жаловался на бедственное положение театра и жаждал заполучить к себе в труппу хоть какого-нибудь, хоть начинающего, хоть никому не известного московского режиссера. Это была смутная, жалкая, но все же надежда.

Позвонив по продиктованному номеру и проговорив полчаса с крайне велеречивым, несмотря на плохое знание русского языка и чудовищный акцент, завитом, который, как стало ясно в первые же минуты разговора, представления не имел о том, кто Катя такая и какие спектакли уже поставила, Катерина заполучила предложение прибыть в располагавшийся где-то в горном краю на берегу реки древний город и познакомиться с руководством местного театра лично.

Жизнь в славном городе Сунжегорске оказалась совсем не такой, как представляла себе Катя. В самолете, по дороге туда, ей грезились какие-то благородные джигиты, благообразные седобородые старики-горцы, лукавые черкешенки, стреляющие темными глазами из-под чадры, жизнь простая, чистая, светлая, в которой люди не забыли еще такие слова, как «долг», «честь», «преданность», «ответственность». Ей, пережившей предательство мужа, человека, которому доверяла безоглядно, друзей и коллег, думалось, что, может, это даже и неплохо – быть заброшенной судьбой в такой удаленный уголок огромной страны. Может быть, жизнь, которой виднее, намеренно заставила ее распротиться со столичной фальшивой и алчной суетой, с московской серостью и невротами и попробовать свои творческие силы в краю, где люди живут правильнее и чище, где балом все еще правят искренние человеческие чувства, и души не испорчены благами цивилизации двадцать первого века.

Однако же на деле все оказалось немного иначе. Выяснилось, что жизнь в Сунжегорском краю подчиняется сонму строгих правил, ритуалов и обычаев, в которых Катя со своими столичными представлениями о действительности никак не могла разобраться. Культурная среда Сунжегорска оказалась плотно сплетена с политической, все вопросы тут решались путем запутанных подвоверных интриг, и то, чья пьеса будет демонстрироваться в театре в

осеннем сезоне, нередко зависело от того, с кем вчера угощался пловом директор спортивного центра, друг детства министра печати, родного брата руководителя театра имени Лермонтова... Катя же, ничего этого не понимавшая, вела себя, как впоследствии выяснилось, по местным меркам надменно и вызывающе. Не сплетничала, с кем нужно, не заигрывала с местными воротилами, не заводила полезные связи. От всего происходящего у нее кругом шла голова, реальность казалась каким-то абсурдным сном, босховским кошмаром, где одно жуткое существо сменялось другим, а каждая следующая ситуация оказывалась нелепей предыдущей.

То ее приглашал на обед министр культуры и вдруг прямо посреди ресторана принимался читать ей якобы свои последние стихи, в которых без труда можно было узнать знаменитые грибоедовские строчки. То один из мелких чиновников являлся к ней в номер и начинал требовать, чтобы Катя немедленно, прямо здесь, приняла ислам, а затем сочеталась с ним браком и вошла в его дом в качестве второй, любимой, жены. То выяснялось вдруг, что парикмахерша, у которой Катя здесь стриглась, была тайной любовницей министра печати и докладывала ему обо всем, чем делятся с ней клиенты, включая и Катино недоумение по поводу царящих в краю порядков.

Кончилось все это Катино кавказское приключение тем, что постановку, которую она готовила в театре имени Лермонтова, со скандалом закрыли, объявив непристойной, антиправительственной и порочащей репутацию края, а самой Кате настоятельно посоветовали уехать из Сунжегорска, туманно ссылаясь на ее «неподходящий» моральный облик.

Так рухнула последняя Катина надежда остаться в профессии. Ясно было, что теперь, после такого фиаско, да плюс еще не забывшегося связанного с ее именем московского скандала, дорога в театр ей была закрыта навсегда. Катя вернулась в столицу совершенно потерянная. От мужа вестей по-прежнему не было, в столичных околотеатральных кругах и слышать о ней не желали. Кажется, никто уже толком и не помнил, с чего все началось, однако все знали, что режиссер Лучникова – это что-то ненадежное, грязное, неудачливое, связанное с политическими и финансовыми разборками. Ясное дело, связываться с такой одиозной личностью никто не хотел. И Катя, оказавшись совершенно одна, выброшена из привычного круга общения, из профессии, которая с юных лет была ее единственной страстью, с головой погрузилась в депрессию, скрасить которую помогали лишь регулярно пополняемые на кредитные деньги запасы виски в стеклянном шкафчике.

Порой, когда получалось на мгновение вынырнуть из темного омуты отчаяния и безнадёги, Катя даже как-то отстраненно удивлялась – и как это ей удалось после такого блестящего старта потерять все в тридцать с небольшим. Ведь у нее все так удачно складывалось, жизнь щедрой рукой раздавала авансы и обещания. Может, это с ней самой было что-то не так, раз она умудрилась прошляпить все, что было даровано? Растратить, разменять, выпустить из рук? Как же так вышло, что в свои тридцать три она из энергичной молодой женщины, известного режиссера, чьи спектакли шли даже на европейской сцене, счастливой жены и в будущем любящей матери превратилась в бессильную, никому не нужную, не имеющую ни профессии, ни друзей, ни семьи развалину?

Из зеркала, в которое Катя иногда мельком бросала взгляд, на нее смотрела костлявая, испитая карга с потухшими глазами и кое-как остриженными седоватыми патлами. Это существо – язык не поворачивался назвать ее женщиной – ни во что не верило, ничего не хотело, перебивалось случайными заработками, которые иногда по доброте душевной подбрасывали ей бывшие сердобольные знакомые – повести детский кружок, снять рекламный ролик, срежиссировать праздник Нептуна в подмосковном санатории. То, что казалось когда-то отличной отправной точкой для карьеры, обернулось случайной вспышкой новогодней шутихи, холостым залпом. Жизнь кончилась, не успев толком начаться.

Со временем Катерина запретила себе разыгрывать в голове спектакли, представлять новые постановки. К чему, если этого никогда не будет? Только травить душу и зарабатывать очередную отчаянную истерику. Надеяться на то, что однажды объявится блудный муж, она тоже перестала. Ясно было, что личная ее жизнь обернулась точно таким же пшиком, как профессиональная.

Лишь иногда, во сне, к ней на несколько мгновений возвращалось все то, о чем когда-то мечталось. И Кате виделось, будто она бродит меж новеньких, выполненных по ее эскизам, театральных декораций, дает указания актерам, а потом смотрит из первого ряда зрительного зала, как разворачивается на сцене жизнь – живая, пульсирующая, настоящая, созданная ею. Лишь иногда ей до сих пор снились топчущие по земле розовые детские пятки, маленькие руки, обнимающие ее за шею, лохматый мальчишеский затылок, пахнущий солнцем, теплом и еще чем-то неопределимым, но таким родным, что щемит сердце. Катя ненавидела эти сны, потому что они заканчивались, и реальность наваливалась на нее вместе с мутным горящим во рту похмельем. И снова нужно было

собирать себя по кускам и погружаться в спасительное ватное бытовое забытьё.

Временами Катя как-то очень спокойно, отстраненно задумывалась о том, сколько еще будет тянуть это беспросветное, безрадостное существование. Ее сломали, лишили стержня, дела, необходимого ей как воздух. Так для чего было цепляться ослабевшими руками за разрозненные осколки былой жизни? Потерявшая свое призвание, свою работу, утратившая доверие к людям, чего ради она продолжала просыпаться по утрам и мутными глазами смотреть в серое окно? Казалось, что от последнего решительного шага ее удерживает лишь апатия, неспособность совершить такое, в общем-то, энергозатратное действие. Конец был так ясен, так отчетлив и близок, что Катя думала о нем совершенно без страха, просто ждала какого-нибудь случайного всплеска сил, который позволит ей привести задуманное в исполнение.

Так продолжалось три года, пока однажды Катерине по электронной почте не пришло письмо от турецкого продюсера Мустафы Килинча.

Глава 3

В дверь номера постучали, а затем на пороге появилась аккуратная горничная в форменном платье и ввезла стеклянный столик на колесиках.

– Ваш завтрак, мадам. Вы заказывали в номер.

– Конечно. Спасибо, – отозвалась Катя, судорожно пытаюсь вспомнить, где вчера оставила кошелек, чтобы выдать девушке чаевые.

На тонких белых тарелках аппетитно расположились свежие овощи, оливки, множество разнообразных сыров и масел. В хрустальных розетках поблескивали мед и несколько видов варенья. Были тут и экзотические закуски, и блюда из яиц, и что-то рыбное, остро пахнущее морем. Отдельно помещались свежее выпеченные булочки разных форм и размеров. В тонком причудливо изогнутом стаканчике плескался ароматный чай.

Сказочный сон, привидевшийся ей вчера, продолжался. Катя показалась самой себе то ли самозванкой, нахально захватившей чью-то чужую жизнь и выдающей себя за другую женщину, которой все эти блага принадлежали по праву. То ли героиней фантастической комедии, по случайности угодившей в фильм о шикарной жизни. Как бы там ни было, ей, Катерине Лучниковой, унылой, никому не нужной, выброшенной из жизни, много пьющей неудачнице, в этом роскошном номере точно было не место. И Катя никак не могла избавиться от смутного ощущения, что обман раскроется и ее с минуты на минуту придут выгонять на улицу, обвинив в умышленном мошенничестве и подлоге.

Нет, она, конечно же, с самого начала все выяснила и убедилась, что Мустафа Килинч ничего не путает и не принимает ее за кого-то другого. Вот только... Вот только вряд ли турецкий продюсер был в курсе того, какой крутой вираж сделала ее жизнь в последние три года, а потому, обращаясь к ней, владел, прямо скажем, не всей информацией и вполне мог неверно оценивать ситуацию.

То письмо... Катя отлично помнила, что поначалу приняла его за дурацкий жестокий розыгрыш. «Нас с вами однажды познакомили в Париже, в молодежном андеграундном театре на Елисейских Полях, после премьеры вашего спектакля, – писал ей Килинч. – Но вы меня, наверное, не помните». Она и правда не помнила никакого Килинча. А впрочем, в тогдашней ее жизни было столько людей со всего мира, столько случайных встреч, столько знакомств где-то за кулисами, после спектакля, на бегу между встречей с прессой и торжественным банкетом, что в этом как раз не было ничего удивительного.

Неизвестный турецкий продюсер писал, что питает большое пристрастие к русской классике, много лет обдумывал проект, который мог бы воплотить его мечты, пытался найти для постановки произведение русское и в то же время стоящее вне национальных особенностей, понятное каждому и затрагивающее вечные темы. И вот, наконец, – цветисто повествовал отправитель письма – все дороги сошлись, счастливая звезда улыбнулась ему, и произведение было найдено. Короче говоря, таинственный Мустафа Килинч решил поставить на турецкой сцене «Мастера и Маргариту». Готов был вложить в проект огромные деньги, привлечь к работе талантливейших театральных актеров со всего мира, нанять в качестве оформителей известных художников. Вероятно, одержимый идеей продюсер рассчитывал сотворить удивительный, фантастический, ни на что не похожий спектакль, колесить с ним затем по городам и странам и срывать награды на фестивалях. Катерина не была так уж уверена в успехе этого его начинания, но, вероятно, в первую очередь двигал пылким турком собственный

энтузиазм, а принятие спектакля широким зрителем и возможные призы должны были стать лишь приятным бонусом.

Далее Мустафа утверждал, что в свое время был совершенно поражен Катиной постановкой Гамлета и после долгих раздумий пришел к выводу, что именно она – со своим уникальным стилем, тонким чутьем и бесстрашием – должна выступить режиссером на задуманном им проекте. В конце Килинч просил Катю ответить как можно скорее. Объяснял, что в ближайшие дни будет по делам в Москве и, если Катя заинтересована в его предложении, хотел бы встретиться и обсудить все лично.

Пробежав глазами письмо, Катя с досадой закрыла его и отодвинула ноутбук. Не оставалось сомнений, что это – чья-то дурацкая шутка. Слишком уж все смахивало на писульки в стиле: «в Аргентине умер ваш давно потерянный двоюродный дедушка-миллионер, оставив все свое состояние единственной наследнице – вам». Поверить, что ее, парию, выброшенную из профессии, никому не нужную, спивающуюся неудачницу, вдруг приглашают не куда-нибудь, а в крупный международный театральный проект с неограниченным бюджетом и творческой свободой? С тем же успехом можно было предположить, что завтра за ней прилетят инопланетяне с предложением стать президентом межгалактической республики. Может быть, кто-то из бывших ее коллег проведал откуда-то о давней ее мечте, постановке по Булгакову, и затеял такую жестокую шутку?

Катя выбросила глупый розыгрыш из головы и отправилась в районную детскую студию, где вела для подростков кружок «основы режиссуры». Однако же в тот момент, когда один из ее учеников, одержимый мечтой о славе интернет-звезды, под ее руководством снимал на новенький айфон ролик для своего канала на youtube, Катю вдруг осенило. Нет, не то чтобы вся эта история внезапно предстала перед ней в другом свете, просто она вдруг вспомнила этого самого Мустафу.

Откуда-то с дальних задворков памяти вдруг выплыло воспоминание. Премьера ее «Гамлета» в Париже, закулисная суэта, цветы, аплодисменты зрительного зала. Ощущение, которое всегда накатывало на нее после завершения очередного спектакля – эйфория, восторг, удовлетворение от хорошо сделанной работы и в то же время чудовищная усталость, вымотанность не столько физическая, сколько душевная, когда любая, самая мелкая и незначительная эмоция причиняет боль, будто прикосновение к свежей ссадине. Может быть,

именно поэтому тот эпизод ей и не вспомнился: было слишком много других впечатлений – ярких, оглушительных, утомляющих – и память милосердно фильтровала информацию, вычеркивая незначительное.

Теперь же Кате припомнился среднего роста человек с лицом красивым, даже несколько по-мужски тяжеловесным, но в то же время каким-то неуловимо женственным. Черт его знает, в чем это заключалось – то ли в выражении темных печальных глаз, то ли в привычке поджимать губы, то ли в общем ощущении чрезмерной ухоженности, припудренности, отлакированности. Очевидно, турецкий продюсер, которого представил ей французский атташе по культуре, курирующий независимые театры, был гомосексуалом. Катя, впрочем, достаточно времени провела в театральных кругах, чтобы подобные моменты не вызывали у нее ни шока, ни неприятия. За годы работы ей встречались самые разнообразные типы, любители девочек, любители мальчиков, неопределившиеся, попросту импотенты, всю силу природной сексуальности отдававшие искусству. А потому поразить или смутить ее нетрадиционной ориентацией было трудно.

Французский сорежиссер, улучив минутку, поведал Кате, что Килинч – непристойно богатый турецкий продюсер, человек всесторонне образованный, большой любитель всяческих искусств и культур, меценат и почти поэт. Что у себя на вилле, в Турции, он частенько организует творческие встречи, литературные балы, какие-то таинственные заседания для избранных, поговаривают, что не всегда пристойные, но непременно выдержанные в изысканном стиле и проникнутые духом искусства.

Кажется, этот печальноглазый Мустафа с импозантными седыми висками тогда даже ездил с их веселой театральной компанией ужинать, снова и снова восхищался Катиной постановкой и твердил, как здорово было бы однажды поработать вместе. Она, разумеется, не приняла его слова всерьез – мало ли что говорится на таких залихватских постпремьерных попойках – и, как показала практика, вообще напрочь выбросила это знакомство из головы.

Однако же теперь, когда воспоминание о том вечере всплыло в голове, ситуация с письмом начинала видеться в ином свете. Не то чтобы Катя разом поверила в реальность поступившего предложения, однако сам факт того, что Мустафа Килинч действительно существовал, а не был выдумкой какого-то искрометного шутника, заставлял задуматься.

Преисполняться надеждами было страшно. Как легко было бы сейчас поверить в то, что шанс действительно есть, что проект существует, и ее участия в нем ждут, а потом снова с размаху удариться всем телом о каменную стену. Собрать себя по кускам во второй раз Катерина бы уже не смогла, что уж там, ей и в первый раз не слишком хорошо это удалось. И все же выбросить все из головы, удалить письмо, жить дальше, как будто бы ничего не происходило... Это значило бы бесконечно задаваться вопросом: «А что, если все было правдой?» Что, если судьба давала ей способ вернуться в профессию, снова ступить на сцену, снова почувствовать себя нужной, занимающейся любимым делом? Ощутить восторг и упоение от соприкосновения с искусством, наполнить жизнью сухие строчки, воплотить живущие в душе образы? Что, если она могла получить все это, но испугалась, сама выпустила из рук счастье?

Несколько дней она не спала, металась по квартире, снова и снова перечитывала письмо. Выпить хотелось мучительно, но Катерина держалась, понимая, что, если шанс, пусть иллюзорный, пусть мелкий, действительно есть, нельзя угробить его собственными руками, явившись на встречу с турецким продюсером в узнаваемом состоянии давно и плотно пьющего человека. Нет, ни в коем случае нельзя было срывать.

В конце концов она все же ответила на письмо – достаточно лаконично, без излишних восторгов согласившись на встречу, но пока не давая никакого ответа насчет проекта в целом. И в назначенный день, отправляясь в ресторан, где должен был ждать ее Мустафа, Катя внутренне готовилась к тому, что навстречу ей выскочат какие-нибудь гогочущие бывшие коллеги, и все происходящее все же окажется жестоким розыгрышем. Однако мужчина, поднявшийся ей навстречу из-за стола, оказался именно тем человеком, с которым она познакомилась однажды парижским вечером.

Катя узнала его чуть тяжеловатое лицо, печальные темные глаза в обрамлении черных ресниц, чересчур чувственные для таких резких черт губы, благородную седину на висках. Он поднес к губам ее руку – Катя успела смутиться отсутствию маникюра, однако продюсер, определенно заметивший ее неухоженный вид, и бровью не повел и продолжал держаться любезно и приветливо – и сказал прочувствованно, выговаривая английские слова с певучим турецким акцентом:

– Как я рад, что вы согласились встретиться. Я помнил, что в том нашем разговоре вы упоминали, что поставить спектакль по «Мастеру и Маргарите» – ваша давняя мечта. Но у меня не было уверенности в том, что мой проект

покажется вам интересным. Однако, могу заверить, постановка по Булгакову – это и моя мечта, мысль, которую я вынашивал очень давно, и я приложу все усилия, чтобы спектакль получился.

Вот так все это и началось.

За недолгие годы успеха, когда приходилось разъезжать со своими спектаклями по всей Европе, Катя успела овладеть английским почти в совершенстве. Но, как оказалось, Килинч неплохо говорил и по-русски – увлечение русской культурой заставило его в свое время выучить язык. Заручившись согласием Кати заняться его проектом, он в последующие дни буквально оборвал ей телефон, рассказывая о все новых и новых своих идеях. Булгаковым начитанный турок просто бредил, «Мастера и Маргариту» знал едва ли не наизусть и временами пугал Катю, вдруг начиная нашептывать ей в трубку знакомые строчки, порой неверно выговаривая слова и путая ударения.

Он сразу же прислал ей список актеров, которых хотел бы видеть в главных ролях, и следующие дни Катя провела за изучением творческой биографии каждого из них, просмотром фильмов и спектаклей с их участием. В проекте были заняты и уже знакомые ей по прошлым работам российские театральные актеры – Носов, Введенский и Пестриков. Пестриков к тому же прочил на роль Иванушки Бездомного своего ученика, студента выпускного курса ГИТИСа Сережу Князева.

Кроме этой уже известной Кате троицы в списке значились еще Нургуль Давутоглу – прошлогодняя победительница конкурса «Мисс Стамбул», редкой красоты молодая девушка. О ней Мустафа, смущенно отводя глаза, пояснил, что об актерских данных ее ничего не знает. Однако популярность ее в Турции зашкаливает, а значит, ее участие привлечет внимание к проекту самой широкой аудитории. К тому же Давутоглу вроде как являлась актуальной пассией самого крупного спонсора проекта.

На роль Мастера (а также Иешуа, в этом заключалась главная идея Мустафы – Мастера и Иешуа должен был играть один актер) Килинч выдвигал известного британского актера Патрика Солсбери. Тот обладал подходящей внешностью – правильными, приятными чертами лица, светло-каштановыми волосами, лежавшими мягкими волнами, и светлыми с прозеленью глазами. К тому же Патрик был по-настоящему известным, состоявшимся талантливым актером, послужной список его насчитывал множество удачных театральных и

киноролей, имя его было на слуху, а значит, в его профессионализме, даре и востребованности у публики можно было не сомневаться.

Пилатом Килинч видел турецкого актера Мурата Эргенча – человека лет сорока пяти, с лицом властным и замкнутым, вполне соответствующим образу пятого прокуратора Иудеи.

И, наконец, Воланд. Говоря Кате об актере, которого определил на эту роль, Мустафа почему-то особенно волновался. Эртан Озтюрк – по его словам – был очень талантливым актером, которому особенно удавались отрицательные роли. И Воланд, по замыслу Килинча, должен был раскрыть этот его «отрицательный» потенциал во всю мощь.

Мустафа планировал поставить спектакль на английском языке, чтобы в дальнейшем иметь возможность прокатывать его по всему миру. Для премьеры в Стамбуле предполагалось бегущей строкой пустить перевод спектакля на турецком. Но в целом проект должен был получиться международным, мультикультурным и не привязанным к той или иной стране.

Тщательно изучив весь предоставленный ей материал, Катя на первый взгляд не нашла в замыслах Килинча ничего невозможного. Троица русских актеров и прославленный британец сразу не вызвали у нее никакого сомнения. Носова, Введенского и Пестрикова она сама не раз видела на сцене и уверена была, что, несмотря на множество заскоков, свойственных творческим людям, все они были отличными профессионалами, с которыми вполне можно будет работать. Сергея Князева Катя не знала, но предполагала, что откровенную бездарность Пестриков нахваливать и тащить за собой в международный проект не стал бы. Значит, тут можно было довериться его преподавательскому и актерскому чутью.

Ну а Солсбери засветился уже в таком количестве разнообразных успешных образов, что тут и переживать было нечего – этот человек сыграет все, что угодно.

Некоторые сомнения оставались у Кати лишь насчет актеров, приглашенных на роль Маргариты и Воланда. Понятно было, что звезда инстаграма и местных шоу, не имеющая за душой ничего, кроме очаровательной внешности, да еще и ослепительно молодая, вряд ли сможет убедительно сыграть взрослую, много

страдавшую в жизни женщину. Но Мустафа заверял Катерину, что девочка очень старательная, ответственная, не глупая. К тому же страшно горда тем, что ей предложили роль в таком серьезном международном проекте. А потому работать будет с полной отдачей, на пределе возможностей.

– Уверен, что такой замечательный режиссер, воспитанник самой серьезной театральной школы в мире, как вы, мисс Катерина, сможет вылепить из нее нечто прекрасное, – закончил свою речь Килинч и улыбнулся Кате этой своей мягкой, подкупающей улыбкой.

Что же касалось Эртана Озтюрка... Тут Катя поделиться с Мустафой своими сомнениями не могла, потому что тот явно был в полном восторге от этого актера. Катя же, посмотрев несколько фильмов с его участием, убедилась в том, что этот актер действительно преуспел в изображении разнообразных подонков, невротиков, психопатов, маньяков и самоубийц. Однако сможет ли он справиться с ролью такого масштаба, воплотить на сцене не просто пакостника, а средоточие мирового зла, временами оборачивающегося благом, Кате было пока неясно. Эртан Озтюрк обладал удивительно красивой внешностью. В лице его не было ничего грубого, животного, дышащего силой. Напротив, черты его были на редкость правильны, даже изящны, словно природа, творя его, брала за образец античную статую. Но было в них и нечто нервное, острое, что-то такое, отчего подлецы и шизофреники в исполнении Эртана становились на удивление притягательными и в то же время пугающими до обморока. Вероятно, именно потому Килинч и решил дать ему роль Воланда – нагнать на зрителя страху Эртан Озтюрк мог совершенно точно. Этим Катя и решила удовлетвориться.

В конце концов, этот проект был первым после трех лет абсолютного ничто: забвения, жалкой поденщины и черного отчаяния. Одно то, что Мустафа Килинч вспомнил о ней, сумел ее разыскать и предложил работу, уже было чудом. Волшебным шансом, отказываться от которого Катя не собиралась. К тому же сама по себе возможность поставить на сцене «Мастера и Маргариту», одну из Катиных любимых книг, была очень заманчива. Катя действительно давно вынашивала этот замысел, с тех пор, как закончилась ее театральная карьера, считала его последней, так и несбывшейся, неосуществленной мечтой. И вдруг такая удача...

Изучив присланные Мустафой материалы и убедившись, что у его задумки действительно есть шанс, Катя сразу же бросилась к книжным полкам и вытащила старый, затертый томик «Мастера и Маргариты». По-новой

вчитывалась в любимые строчки, омывалась ими, словно чистой родниковой водой, и чувствовала, что оживает. Последние три года, темные, страшные годы, наполненные отчаянием, депрессией и мыслями о смерти как об избавлении, словно стирались с каждой прочитанной строчкой, бледнели, исчезали. И Кате начинало казаться, будто это она, она сама шла по улице, сжимая в ослабевших руках отвратительные желтые цветы, как знак, как последнюю просьбу о помощи. И ее услышали, нашли, дали надежду. Предчувствие скорых неминуемых перемен, чего-то очень сильного, значительного и прекрасного прочно поселилось в душе. Мысленно она уже расставляла по сцене героев романа, думала о том, каким окажется ее Иешуа, каким будет ее Воланд, как выйдет на сцену ее Маргарита, как залихватски захохочет она, став ведьмой от горя и бедствий, поразивших ее. В голове, где столько времени царил черное ничто, словно вспыхнул свет, задвигались, заходили, заговорили пока еще неясные, бесплотные образы, и Катя привычно принялась спорить с ними, гонять их по площадке, прикидывать, как лучше будет построить мизансцену.

Собственный душевный подъем пугал ее. Ведь так просто было представить себе, что надежда окажется ложной, что ничего не получится, и она снова погрязнет в пустоте и одиночестве. Однако же снова почувствовать себя полным сил, энергии и творческих планов молодым режиссером, у которого все впереди, которого ждет увлекательная, сильная, масштабная работа, было так упоительно, что Катя изо всех сил душила в себе сомнения и страхи.

Итак, долго раздумывать над предложением и предаваться сомнениям возможности не было. И Катя дала Килинчу согласие. Тот пришел в восторг, немедленно повез Катю подписывать договор – на русском и турецком языках, тут же отвалил солидный аванс, пришедшийся Кате очень кстати в ее бедственном положении. А под конец объявил, что дает ей полный карт-бланш. Кате позволялось подобрать для спектакля музыку по собственному усмотрению, высказать свои пожелания относительно декораторов, бутафоров и даже самой набросать эскизы декораций, которые затем будут выстроены в Турции. Обсудив все эти вопросы, Мустафа пообещал в ближайшее время выслать Кате оставшиеся необходимые бумаги и билет до Стамбула и отбыл на родину.

И тем не менее, несмотря на горячие уверения продюсера, что проект «на мази», Кате до последнего не верилось, что все действительно состоится. Слишком силен был пережитый ею удар, слишком страшным было отчаяние, в котором она жила последние три года. Получив на руки аванс, она прежде всего ужасно

испугалась, что Килинч каким-нибудь образом узнает о ее настоящем положении, передумает, потребует деньги назад, а потому сразу же бросилась выплачивать долги и отдавать старые ссуды. И каждый новый шаг, приближавший начало проекта, каждое новое подтверждение того, что дело идет, вызывали у нее новый очередной приступ изумления. То письмо от музыкальной ассоциации, в котором сообщалось, что продюсер оплатил права на использование выбранных ею композиций, то звонки от декоратора, начавшего работать с ее эскизами, то подтверждения от актеров, получивших по почте разосланные ею проработанные мизансцены... Мустафа Килинч действительно последовательно выполнял все обещания, и все это, вместо того, чтобы успокаивать Катю, вгоняло ее все глубже в панику. Казалось, что она все сильнее запутывается в паутине лжи, которая однажды обязательно раскроется, и тогда ей уже будет не выбраться.

Даже в аэропорту, на паспортном контроле, Катерина все оглядывалась через плечо и судорожно стискивала ручки сумки, боясь, что сейчас, откуда ни возьмись, объявятся уже знакомые ей люди в штатском и объявят, что выезжать из страны Кате, как подельнице мошенника Федорова, запрещено.

Однако же все прошло гладко. Серебристый «Боинг» унес Катю из пасмурной серой Москвы в цветущий Константинополь. Ожидавший ее в аэропорту водитель усадил ее в черный автомобиль и примчал в этот шикарный, поражающий бьющей в глаза роскошью отель, а в номере ее ждал карнавальный наряд и приглашение тем же вечером прибыть в дом Мустафы Килинча на праздник, затеянный им в честь начала работы над спектаклем.

Катя, честно говоря, представляла себе старт проекта совсем не таким. Ей думалось, что все они – все члены труппы – встретятся где-нибудь у Мустафы в офисе, их официально представят друг другу, очертят круг работ, временные рамки, ожидания. Однако же, видимо, тут, в Турции, дела делались по-другому. А может, такова была воля именно самого Мустафы, ведь не зря же ходили слухи о каких-то там проводимых у него в резиденции полуприличных мистериях. Так или иначе, отправляясь вчера вечером на приморскую виллу Килинча, Катя понятия не имела, чего ждать от этого вечера. А в результате угодила на этот странный, окутанный атмосферой игры, флирта и интриги бал, да еще и пережила волнующее приключение с незнакомцем.

Стыдно признаться, но у нее до сих пор начинало ныть в груди и покалывать в пальцах, когда она вспоминала, как мужчина в светлом костюме и серебристой

маске закружил ее в танце, а потом поцеловал – на глазах у пестрой разношерстной толпы гостей. Катя и в юности-то не была мастером плетения любовной паутины, а в последние три года и в принципе забыла о том, что она, как ни крути, все-таки женщина. Все это чувственное, эмоциональное, ранимое было задавлено ею, забито, выброшено за ненадобностью, а потому давно забытые ощущения, которые пробудил в ней этот случайный поцелуй, пугали и смущали. Конечно, она и не собиралась мечтать о каком-то кружащем голову романе с таинственным незнакомцем, отдавала себе отчет в том, что поцеловал он ее, должно быть, поддавшись все той же царившей на празднике пленительной атмосфере.

И все же, все же... Вчерашняя ночь как будто окутала ее искрящейся серебристой дымкой, и сбросить ее, развеять морок Катя пока не могла. А может быть, не хотела.

Однако же, каким бы странным, нездешним и волнующим ни был вчерашний вечер, нужно было собираться и ехать работать. Катя в последний раз оглянулась на серебристое платье, покосилась на роскошный завтрак, но стащила с тарелки лишь булочку и, наскоро запив ее чаем, натянула льняные серые брюки, свободную рубашку, кое-как пригладила волосы, повесила на плечо сумку с заветной бутылкой и вызвала водителя. Пора было ехать на репетицию.

Для работы над проектом и последующей премьеры Мустафа Килинч арендовал на несколько месяцев большой концертный зал. Расположенный в самом центре Стамбула, между Таксимом и Бешектешем, он был оборудован по последнему слову техники – об этом продюсер заранее предупредил Катю, заверяя, что все самые смелые ее идеи, любые звуковые и световые эффекты тут можно будет воплотить в жизнь.

Репетиция была назначена в большом зале, именно туда Катя и направилась сразу же, как приехала.

Взглянуть на всю ту же вчерашнюю компанию – только уже без масок и карнавальных нарядов – было интересно. Красавица Нургуль Давутоглу, явно постаравшаяся одеться как можно скромнее, в темных брюках и футболке, которые, однако же, только подчеркивали великолепие ее форм, чинно, как

прилежная ученица, сидела на одном из кресел и терпеливо ждала, когда начнется репетиция. Вихрастый Сережа смущенно обводил помещение глазами, видимо, гадал, не натворил ли чего вчера, вдоволь налкавшись дарового шампанского. А Юрий Гаврилович, розовея щеками, погонял нерадивого ученика, проходя с ним сегодняшнюю сцену. Хотел, наверное, побыстрее освободиться и отправиться глазеть на местные достопримечательности, – усмехнулась Катя.

Длинный Василий Алексеевич пытался разобраться с наушниками, которые всем выдавали на входе в зал. Втыкал в ухо наушник, тряс портативную коробочку, вслушивался в звучащую из наушника речь и недовольно хмыкал. «Морж» Петр Венедиктович о чем-то вальяжно беседовал с британцем Солсбери, демонстрируя отличное знание английского языка.

Катерина коротко поздоровалась со всеми сразу и обернулась, ища глазами Мустафу. Вероятно, начинать репетицию стоило после того, как продюсер официально представит их всех друг другу. Килинч действительно вскоре появился из-за кулис вместе со световиком, на ходу обсуждая с ним технические возможности предоставленного им зала. Оглядев собравшихся, он поспешно завершил разговор и несколько раз громко хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

– Друзья мои, – заговорил он своим низким звучным голосом, выпевая последние звуки английских фраз. – Что ж, наконец-то все приветственные мероприятия остались позади, и мы можем приступить к работе. Не скрою, я очень ждал этого дня. Поэтому постараюсь быть краток. Большинство из вас уже знакомы между собой, так что я просто проведу формальное представление, и приступим.

Килинч начал называть собравшихся по именам, кратко обрисовывая заслуги каждого и его роль в проекте. Названные им люди приподнимались со своего места, коротко раскланивались, иногда отпускали какие-нибудь шуточные замечания. Катерина, еще в России изучившая состав труппы, не слишком вслушивалась в речь продюсера, лишь отмечала про себя какие-то особенности актеров, с которыми ей предстояло работать, – тонкости мимики, тембр голоса. Солсбери в реальности оказался выше ростом, чем представлялось Кате по его фильмам. Лицо Нургуль при искусственном свете казалось бледнее, и Катерина отметила про себя, что ей нужно будет накладывать более яркий грим.

Сам же Мустафа – это Катя тоже невольно отметила – никогда не смог бы быть актером. Оказавшись не в привычной домашней обстановке, а здесь, на большой сцене, он сразу как-то потерялся, занервничал, задержался и утратил весь свой апломб. На это, впрочем, Катя обратила внимание чисто по режиссерской привычке, ясно, что беспокоиться о том, как выглядит на сцене продюсер, было ни к чему.

Она успела еще решить про себя, что не занятых в сегодняшних сценах актеров, так же, как массовку и кордебалет, сразу же после первичного обмена любезностями распустит. Незачем им смотреть, как репетируют сцены, в которых они не задействованы. Нужно будет еще удостовериться, что всем выдано расписание репетиций...

И тут дверь за ее спиной скрипнула, и мелодичный с приятной хрипотцой баритон объявил:

– Прошу прощения, я опоздал. Проклятые пробки.

Катерина обернулась и увидела входящего в зал мужчину. Вчерашнего незнакомца, смутившего ее во время бала, она узнала почти мгновенно, несмотря на то, что тогда черты лица его скрывала маска. Да, определенно это был именно он, – тонкий, легкий, гибкий, обаятельный. Только теперь, взглянув этому человеку в лицо и рассмотрев поразительно красивые, правильные, дышащие изящной природной красотой черты, Катерина узнала в нем Эртана Озтюрка, актера, которого Мустафа выдвинул на роль Воланда. Ну конечно, она ведь еще дома, в России, пересмотрела с ним несколько сериалов, как только умудрилась не узнать накануне? Наверное, это сказочная нездешняя атмосфера вечера спутала ей сознание.

– А вот и он, наш замечательный Воланд, – обрадовался Мустафа, завидев Озтюрка.

Он тут же поспешил к нему навстречу – хотя другим таких знаков внимания не оказывал, – обхватил рукой за плечи, повел к сцене, приговаривая:

– Сейчас я вас представлю остальным, мой дорогой.

Эртан, тем не менее, по пути умудрился поздороваться практически со всеми – и не коротко, сухо, а по-настоящему сердечно и приветливо. Уворачиваясь от загребущей руки продюсера, наклонился к Нургуль, целуя пальцы:

– Как вы прекрасно выглядите сегодня. Глаз не оторвать!

Тепло раскланялся с Солсбери:

– Ваш последний фильм – я говорю о «Притихшем громе» – меня просто поразил. Вы позволите после окончания репетиции отнять у вас несколько минут времени? Мне очень хотелось бы расспросить о работе над этой ролью.

Потряс руку Петру Венедиктовичу:

– Я с огромным трепетом отношусь к русской актерской школе. Для меня честью будет работать с вами.

Перемигнулся с Сережей, бросил что-то шутовское, видимо, ссылаясь на какой-то смешной момент вчерашнего вечера. От чего Сергей радостно загоготал, но тут же смешался и, испуганно оглядевшись по сторонам, затих.

Удивительно, но у этого человека для каждого находилось доброе слово, знак внимания. Кажется, никто, даже язвительный Василий Алексеевич, уже и не сердился на него за опоздание. Он действительно был как солнечный луч, – вспомнила Катерина свою вчерашнюю ассоциацию, – теплый, светлый, веселый, приветливый – как-то ко всем сразу, никого не выделяя особо.

Вспомнилось, как накануне Эртан кружил ее в танце, говорил какую-то приятную чепуху, негромко посмеивался, а потом обжег губы жарким дыханием, отвел в сторону шелковый платок и поцеловал. Катерина почувствовала, как к щекам прилила кровь, и тут же рассердилась на себя. Да что это с ней такое, в конце концов?

К тому же... Чем дольше Катя смотрела на Озтюрка, тем сомнительнее ей начинала казаться вся эта произошедшая вчера между ними сцена. Нет, в Эртане не было ничего женственного, манерного, чрезмерно игривого и кокетливого. Он держался ровно, доброжелательно, интеллигентно, открыто. И

все же... В самой мягкости его повадки, во взгляде светлых глаз, в улыбке, в манере разговора, в каком-то неуловимом, неопределимом флере, окутывавшем его фигуру, было что-то такое, что позволило Кате, всю сознательную жизнь проведенной среди людей искусства, точно определить, что женщинами ее вчерашний кавалер определенно не интересовался. Не зря столько внимания уделял ему Кирилл, не зря так активно теснил вчера в темный угол, а сегодня с распростертыми объятиями бросился навстречу.

И Катя вдруг почувствовала, как внутри невольно вскипает злость на этого солнечного юношу. Было как-то противно, по-бабски обидно и горько за то, что ей вот так задурили голову, заставили предаваться глупым мечтам, грезить о чем-то несбыточном. В то время, как все, произошедшее с ней, было всего лишь пустым фарсом. Интересно, чего ради это ему понадобилось?

Катя взглянула на все так же вившегося вокруг Эртана Мустафу и с досадой прикусила губу. Ну конечно! Ушлый парень решил убить сразу двух зайцев – очаровать и продюсера, и режиссершу. А что, в работе не повредит! Может, даже гарантирует какие-то привилегии. До чего же пошло, мерзко, противно.

Она обхватила себя руками за плечи, оправила рубашку, будто бы стряхивая с тела следы прикосновений Озтюрка. Пакость какая, господи! Всего противнее было, что, кажется, она – единственная в этом зале питала к этому актеру недобрые чувства. Всех остальных Эртан умудрился расположить к себе за пять минут. Ну что ж, а вот с ней, значит, у хитрого интригана ошибка вышла. Пережал, перегнул палку, передавил. Бывает...

Катя отрывисто кашлянула, намекая, что этот обмен любезностями пора кончать и переходить непосредственно к работе. Мустафа, спохватившись, объявил:

– И, наконец, наш прекрасный режиссер, человек, с которым я несколько лет уже мечтал поработать, и до сих пор не до конца верю обрушившемуся на меня счастью. Мисс Катерина Лучникова.

Катя чуть приподнялась на своем стуле, кивая в ответ на приветствия. Поймала на себе изумленный взгляд Эртана и неприязненно усмехнулась.

Что, не узнал, красавчик? Вчера, в роскошных тряпках и маске режиссерша показалась тебе еще ничего, можно и приударить? А сегодня увидел, так

сказать, товар лицом и опешил? До чего же мерзкий, отвратительный, беспринципный приспособленец!

Не желая больше циклиться на ушлом прилипале, Катя сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, обвела взглядом других членов группы и выговорила положенные случаю любезности:

– Очень рада буду работать с такими интересными и разносторонними людьми. Этот проект крайне важен для меня. Желаю нам всем больших творческих успехов, – и в конце добавила: – Если наш дорогой продюсер не против, может быть, уже довольно приветственных слов и приступим к работе?

Мустафа заверил, что он совершенно не против, наоборот, ему не терпится посмотреть первые отрепетированные сцены спектакля. А затем ретировался обсуждать что-то с руководством концертного зала, объяснив это тем, что хочет дать Кате и актерам время привыкнуть друг к другу, сработаться и не желает смущать их своим присутствием. Катя спросила, всем ли секретарь раздал расписание репетиций на ближайшую неделю, а затем решительно выставила из зала всех, кто сегодня не был ей нужен. Что ж, пора было приступать.

За годы службы Катя выработала свой подход к постановке спектакля. Привыкла ставить сцены не последовательно, так, как они потом шли в постановке, но выделять основные, расставлять акценты, на которых впоследствии и будет строиться спектакль. И лишь в самом конце собирать всю историю из уже отработанных сцен, как из деталек конструктора. Схему спектакля Катя нарисовала еще в Москве, составила план эпизодов, над которыми нужно будет поработать в первую очередь. Понятно было, что что-то придется менять по ходу, какие-то моменты убирать, какие-то выводить на первый план, однако общая «рыба» была у нее уже готова. Примерную схему движения в ключевых сценах, так же, как и текст роли на двух языках, она разослала актерам еще из Москвы, так что теперь не должно было возникнуть заминок.

Первая репетиция должна была стартовать со сцены на Патриарших – сцены появления Воланда. Декорации пока установлены не были, и техники по ее просьбе вытащили на сцену лишь банкетку, которая должна была временно изображать знаменитую скамью в аллее, параллельной Малой Бронной.

Музыку к спектаклю Катя сразу решила взять классическую, к настоящему времени Килинч уже согласовал и оплатил использование выбранных Катей композиций. Нужные записи были подготовлены, и Кате оставалось лишь дать указания звукорежиссеру, когда и что именно включать. В планах мизансцен, которые Катя выслала членам труппы еще из Москвы, было расписано, под какое музыкальное сопровождение появляется на сцене каждый из персонажей. А потому к началу репетиций основные задействованные в спектакле артисты уже должны были быть в курсе того, под какую музыку выходить.

Не занятые в первой сцене актеры в зале затихли, на банкетке на сцене расположились Юрий Гаврилович и Сережа. Переводчик занял место за пультом, актеры же всунули в уши едва заметные маленькие наушники, в которых должен был идти синхронный перевод.

– Мизансцену помните? – спросила Катя. – Или пройдем вместе, ногами?

Юрий Гаврилович заверил Катю, что они все прошли еще до ее приезда и можно сразу начинать. Тогда Катя обратилась отдельно к Озтюрку.

– Перед вашим появлением, – объяснила она, – начинает играть «O Fortuna!» из Carmina Burana. Вы пропускаете первые два такта и выходите на третий.

Тот, как-то опасливо покосившись на нее, может быть, почувствовав кипевшее у Кати внутри, до конца не подавленное раздражение, кивнул. И, заразительно улыбнувшись, отозвался:

– Все ясно. Как в бальных танцах, да?

Катерина однако же на эту явную попытку разрядить обстановку не отреагировала и лишь ответила сухо:

– Бальные танцы были вчера. Сегодня у нас серьезная работа.

Эртан, кажется, слегка опешив от такой открытой неприветливости, смешался и заверил:

– Я все понял, мисс Катерина, сделаю.

И ушел за кулисы ждать своего выхода.

Катя заняла место на стуле, перед авансценой, вооружилась подготовленным для нее микрофоном и объявила громко:

- Тишина в зале. Мы начинаем.

Из динамиков грянула мелодия, предварявшая по задумке сцену на Патриарших, и позевывавший на сцене Юрий Гаврилович мгновенно переменялся. Подобрался весь, нацепил на лицо покровительственно-глумливое выражение, повел носом, словно самой природой созданным вынюхивать в текстах крамолу, и обернулся к Сереже. А Сережа - не Сережа уже, а Иванушка Бездомный, молодой горячий советский поэт, - подался вперед и насупился, заглядывая в собственную рукопись, которую критиковал председатель МАССОЛИТа.

- Да что не так в моей поэме? - с обидой заговорил Иванушка. - Сказано было - антирелигиозная, я и написал антирелигиозную, - он даже губы свои, еще юношески припухлые, надул, возмущенный творящейся с ним несправедливостью. - Что, скажете, положительный у меня Иисус получился?

Катерина нахмурилась. Иванушка выходил у Сережи очень убедительным и живым, однако с англоязычными репликами надо было что-то делать. Сергей явно не в совершенстве владел английским, запинаясь, спотыкаясь, совершал дурацкие ошибки.

«Нужно будет педагога к нему приставить, что ли, - размышляла Катя, следя за разворачивавшейся перед ней сценой. - Пускай отработает с ним текст роли, чтобы, по крайней мере, правильно ставил ударение в английских словах».

- Да не в этом же дело, Иван, - усмехнувшись праведному негодованию сбитого с толка поэта, заговорил Берлиоз. - Ты пойми, нет ни одной восточной религии, в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор...

Иванушка возмущенно вскочил, обежал скамейку и грохнул крупным кулаком пролетарского поэта по спинке.

– Спасибо, Юрий Гаврилович, отлично! – прокомментировала в микрофон Катя. – Иванушка, друг мой, не мельтеши так. Я понимаю, ты возмущен. Ты уже сдал поэму, и тебе до смерти не хочется ее переписывать. К тому же ты уверен, что написал хорошо, это просто старорежимный Берлиоз ни черта не понимает, только пустым умствованием занимается. Но когда ты бегаешь по сцене, ты рассеиваешь внимание зрителя, и мы не видим Берлиоза. Поспокойнее, хорошо?

Репетиция шла своим чередом, первая сцена постепенно разворачивалась, и, наконец, из динамиков зазвучала тревожная оркестровая музыка и хор загремел:

O Fortuna

velut luna

statu variabilis

Катя, всегда очень остро, тонко чувствовавшая музыку, обладавшая природным чувством ритма, замерла, даже дыхание затаила. Воланд должен был появиться на сцене через пару секунд. Сцена по темпу получалась отличная, четко выверенная, и вовремя вступившая в нее новая партия должна была довести задуманную ею полифонию до совершенства.

Грянули тарелки, Катя вперилась взглядом в левую кулису, из-за которой должен был появиться странного вида иностранец – однако ничего не произошло. Хор звучал все громче, угол сцены по-прежнему оставался пустым. Берлиоз едва заметно скосил взгляд влево, Иванушка лишней раз вскочил со скамейки и в досаде плюхнулся обратно. И, наконец, на сцене появился Эртан, державший под мышкой бутафорскую трость.

Он медленно двинулся по направлению к скамейке, но... Несмотря на то что заминка составила лишь долю секунды, темп сцены был безнадежно потерян, задуманная Катей симфония не получилась, динамика провисла, напряжение, которое именно сейчас должно было достичь кульминационной точки, рассеялось.

Катя с досадой покачала головой и хлопнула в ладоши.

– Стоп!

Музыка смолкла. Юрий Гаврилович поднялся на ноги, потянулся, разминая спину. Сережа, наоборот, откинулся на скамейке, вытянув ноги. Эртан замер, стиснув в руках трость, и в ожидании уставился на Катю.

– Эртан-бей, я же объясняла, вы выходите с третьего такта, – не сумев скрыть раздражения, сказала Катя.

Этот чертов Озтюрк выводил ее из себя, все портил, как раскалывающий звучание целого слаженного оркестра расстроенный инструмент. В чем дело? Она ведь видела его вчера за роялем, слышала, как блестяще он исполнял «Турецкий марш», значит, какие-то понятия о ритме, композиции, музыкальных долях у него должны были быть? Что он, уснул там за сценой? Или, может, нарочно действовал ей на нервы? Глумился над старой мымрой, которая – вот же идиотка! – вообразила себе вчера невесть что?

– Прошу прощения, – вежливо улыбнувшись, склонил голову Эртан. – Я, кажется, действительно замешкался, пропустил нужный такт. Извините, я...

– Соберитесь, пожалуйста, – перебила Катя. И, больше уже не взглянув на него, обратилась ко всем разом: – Прошу сначала.

Озтюрк снова скрылся за кулисами, Юрий Гаврилович уселся на скамейку, Сережа, сдвинув пшеничные брови, уставился в текст, а затем недоверчиво покосился на председателя литературной ассоциации.

– Слышал ли ты, Иван, про бога Вицлипуцли, которого весьма почитали ацтеки в Мексике... – звенел высоким тенором Берлиоз.

Из динамиков опять полилась *Carmina Burana*:

...semper crescis

aut decrescis;

vita detestabilis...

Грохнули тарелки – и... снова ничего. Эртан опять появился на сцене с опозданием. Может быть, со стороны это было и незаметно – ведь медлил Эртан действительно лишь долю секунды. Но Катя, привыкшая прислушиваться к спектаклю, как к живому существу, как к дремлющему на руках грудному ребенку, остро чувствовала малейшие перебои в его дыхании, распознавала мельчайшие признаки дискомфорта. И сейчас эти две секунды, на которые запаздывал Озтюрк, разрушали для нее весь сложившийся рисунок сцены.

Раздражение, с самого начала репетиции тлевшее внутри, вспыхнуло с новой силой, захлестнуло, застило алым глаза. Катя знала за собой такую особенность – уравновешенная и сдержанная по жизни, когда в работе что-то не клеилось, причем по вине конкретного человека, она могла мгновенно, за несколько секунд превратиться в фурию. Сегодня, видимо, сказалось еще и личное ее отношение к Эртану, и паршивое настроение после вчерашнего вечера, и расстроивший ее под утро сон. Как бы там ни было, но когда Озтюрк во второй раз появился на сцене с опозданием, Катя вскочила со стула и ледяным голосом, громко и отчетливо проговорила в микрофон:

– Господин Озтюрк, вы никогда не слышали о том, что для успешного исполнения роли нужно много и упорно работать, а не рассчитывать на полезные знакомства? Ваши романтические связи тут вам не помогут. Для роли Воланда нужно кое-что еще, кроме обаяния, – последнее слово она выделила голосом и произнесла с подчеркнутым отвращением. – Я настоятельно прошу вас сосредоточиться, вы мешаете репетировать.

Еще не успев выговорить свою отповедь до конца, Катя уже начала жалеть о ней. На Эртана было больно смотреть, и она невольно вспомнила пришедшую ей вчера в голову метафору – нежный, экзотический цветок, примороженный лютой стужей и обреченный на умирание. Озтюрк от ее слов весь как-то сгорбился, сжался, будто бы стал ниже ростом, обхватил себя руками за плечи. Побледневшее лицо его болезненно дернулось – дрогнули губы, затрепетали темные ресницы, забились у глаза голубая жилка.

В зале затихли. Юрий Гаврилович на сцене удивленно вздернул берлиозовскую бровь. Сережа, не слишком бойко говоривший по-английски, захлопал глазами, растерянно озираясь по сторонам. Катя заметила, с каким неподдельным ужасом покосилась на нее Нургуль, вероятно предвкушая уже, как неловко будет держаться на сцене и как станет ее распекать стерва-режиссерша.

– Я прошу прощения, – наконец, выговорил Эртан. – Я, видимо перенервничал, – и добавил, натянуто улыбнувшись: – Пожалуй, пора бросить все к черту, и в Кисловодск.

Улыбка у него получилась до того жалкая, растерянная, что у Кати неприятно кольнуло в груди. Кругом зашумели, заговорили, радуясь тому, что Озтюрк нашел в себе силы разрядить обстановку. Кто-то пошутил, остальные засмеялись. Катя же почувствовала, как к щекам жарко приливает кровь. На нее навалилась мучительная неловкость, стало стыдно за себя – вот так сорваться в первый же день, наговорить лишнего, зарекомендовать себя перед трупной отвратительной злобной стервой. И почему? Потому что по-глупому позволила себе загореться какими-то дурацкими надеждами, а потом разозлилась на человека, который их не оправдал? Черт возьми, она ведь сама всегда с презрением относилась к людям, не умевшим отделять личное от рабочего. Может быть, Озтюрк – дрянной тип, лизоблюд и приспособленец, может быть, лично ей он и неприятен, но какое это имеет значение? Им предстоит много месяцев работать вместе, а на выходе выдать качественный продукт, сильный, глубокий, выворачивающий зрителя наизнанку спектакль. Тут нет места личным дрызгам. К тому же претензия ее была и попросту несправедлива. Ведь актерского мастерства Эртана у нее еще не было возможности оценить. А то, что он дважды вышел на сцену с задержкой – ну так это обычный рабочий процесс: накладки, притирки, недопонимание. Ради того, чтобы отработать эти моменты, они здесь и собрались. И ее задача проявить терпение и вытащить из каждого задействованного в спектакле актера максимум, на который он способен. Она ведь даже не поинтересовалась, почему Эртан никак не может выполнить то, что она от него требует. Может быть, ему мешает что-то, может быть, музыка за кулисами слышна недостаточно отчетливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pokrovskaya_ol-ga/laskovyuy-veter-bosfora

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)